

The background of the cover is a dark, grainy photograph of a forest path. The path is flanked by dense foliage and trees. Several large, bright red blood splatters are visible on the path and the surrounding vegetation, creating a stark contrast with the dark background.

АЛЕКСЕЙ КРОТОВ

КРОВЬ И ЧЕРНИКА

классический российский детектив

Алексей Кротов
Кровь и черника
Серия «RED. Детективы и триллеры»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68692389
ISBN 978-5-04-179274-9

Аннотация

Полянск не будет спать спокойно. Традиционный поход местных жителей и приезжих дачников за черникой в лес превращает всех в свидетелей странного преступления. Вместо черники они находят в лесу сотрудницу Лужского краеведческого музея Ольгу Саврасову. На месте преступления никаких улик, только грибной нож, которым, вероятнее всего, убили женщину. Вычислить убийцу представляется практически невозможным. Вся надежда только на опытного следователя Таисию Игнатьевну. Одно из самых головоломных дел Сапфировой.

Комментарий Редакции: Финальный роман в деревенской серии Алексея Кротова, громогласный аккорд, завершающий длинную симфонию убийств в Полянске. Читателя ждет крайне запутанное расследование, развязка которого надолго оставит в тревожном недоумении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	65
Глава 9	77
Глава 10	80
Глава 11	91
Глава 12	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Алексей Кротов

Кровь и черника

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В оформлении использована фотография:

© rep0rter / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Глава 1

Все за ягодами!

– Идем в лес, мама? – радостно спросила бойкая девчушка со светлыми кудельками.

– Верно, за черникой пойдем, – звонко ответила мать, стройная блондинка с голубыми глазами.

– Любишь чернику, а, бесенок? – потрепал дочь по роскошным куделькам отец, подтянутый шатен среднего роста.

– А то как же, папа, особенно с сахаром, – обрадовалась шестилетняя Света.

– Ну, собирайся, хитрюга, – слегка подкинул ее в воздух отец. – Через полчаса выходим.

* * *

– Готовы, Софья Карповна? – с затаенным унынием спросил тещу Максим Ильич.

– Сейчас, Максим, подожди, я уже не такая шустрая, – голос «любимой» тещи напоминал Максиму Ильичу скрип плохо смазанного замка.

«Да я вообще-то никуда и не спешу», – подумал зять, а вслух сказал:

– Конечно, не торопитесь, Софья Карповна, закутайтесь

поплотнее, а то эти комары такие – вмиг искусают!

– Да вот я и мажусь, Максимушка, чтоб этим кровососам легко не сдаться, – объяснила причины задержки Софья Карповна.

– Ну что, я готова. Вперед! – минут через десять объявила она.

Вооружившись двумя пятилитровыми бидонами и пакетами под грибы (на всякий случай) врач-реаниматолог Максим Ильич Егоров и его пятидесятидевятiletняя теща отправились на покорение полянского леса.

* * *

– Куда тебе такая большая корзина, Артамон? – с иронией поинтересовалась у благоверного интересная импозантная дама, которую ничуть не портила полнота.

– Как всегда хочу собрать весь лес, Элиза, – весело в тон супруге откликнулся Синицкий.

– Долго будем собираться? – тщательно заправляя штаны в шерстяные носки, поинтересовался двоюродный брат Синицкого Цельский, голос его звучал спокойно и даже по-деловому.

– И каково будет расстояние, что нам надлежит пройти? – моментально вставила свои пять копеек практичная парикмахер Инна Андреевна Цельская, супруга Николая Антиповича.

– Километров пять-шесть, а может быть – пятнадцать-шестнадцать, – рассеяно-лениво ответила Элиза, поправляя модный берет. – Это уж как Артамон Георгиевич решит: весь лес ему собирать или что-нибудь оставить, – добавила она, стараясь чтобы ее голос звучал нарочито тускло.

– Не волнуйся, Коля, от трех до пяти будем мотать, – откликнулся уже надевший плащ Синицкий. – Я имею в виду часов, конечно, – успокоил он брата.

– Мне лично грибы больше интересны, чем ваши дурацкие ягоды, – Цельский совершенно не был взволнован.

– Как это дурацкие?! – тут же взвилась парикмахер. – А варенье зимой за обе щеки я одна буду уплетать?!

– Мне лично хватит и за одну, Инночка. А вот грибами хрупать тебе будет не слабо?

– Мы уже уходим, касатики, – холодно улыбнувшись, сообщила родственникам Синицкая.

– Я готова, – тут же откликнулась Цельская. – А ты, Коля?

– И я тоже, моя горlinka, только нож грибной возьму. А вот и он. Идем?

Четверка потенциальных опустошителей леса покинула дом. Артамон запер дверь на висячий замок, с силой подергал его и положил ключ в глубокий карман, который тут же и застегнул.

– Ну как, экипировались по полной программе, Екатерина Антоновна? – поинтересовалась у бывшей начальницы Ольга Анатольевна Саврасова, сотрудница Лужского краеведческого музея.

– Да вроде добротно, Оля, – внимательно разглядывая себя в зеркало, медленно проговорила Гляссер.

– Ну тогда пойдемте. Часа три-то выдержите?

– Шутишь, Оленька, – рассмеялась бывшая директор краеведческого музея высокая сухоощавая женщина, слегка за шестьдесят с породистым красивым лицом.

– Извините, Екатерина Антоновна, – слегка смутилась Саврасова. – У нас, знаете, в лесу не везде легко пройти.

– Ладно, пошли, – улыбнулась Гляссер. – А то все грибы соберут.

– Ну, я в первую очередь ягодами интересуюсь. Но в конце-то концов, мы идем не за этим.

– Верно, мы идем на рекогносцировку, – с удовольствием употребила мудреное слово Гляссер. – Карта у тебя с собой?

– А то как же, Екатерина Антоновна.

– А ягоды ты на самом деле собираешь?

– Конечно, не упущу такой возможности, варенья-то тоже хочется, да и витамины пригодятся. А вы грибы взаправду искать собираетесь или корзинку с ножом берете для кон-

спирации? – тоже щегольнула словом Саврасова.

– Это уж как пойдет. А впрочем, почему бы и нет? Ты места-то, небось, знаешь. Покойная тетушка наверняка показывала?

– Да я уж всё позабывала, Екатерина Антоновна, – рассмеялась Саврасова.

– Ну вот, Оля, и вспомнишь. Вперед, сокровища ждут нас! – и Гляссер ободряюще хлопнула невысокую Саврасову по плечу.

Через несколько минут, закрыв дом, всесторонне экипированные краеведы отправились в ту часть леса, где находился самый крупный и популярный среди полянцев черничник.

* * *

– Кажется, сегодня весь Полянск собрался в лес, а, Юра? – довольно похлопывая себя по оттопыренному поллитровкой карману поделился наблюдениями с музыкантом Дудкиным Рулеткин.

– Твоя правда, – ответил собутыльник, в этот поход отвечающий за благополучную доставку закуски. – Коробочка, смотри, как затарилась, точно весь лес хочет вынести.

И действительно, в это пригожее субботнее утро Пелагея Егоровна Цепкина отправившись на промысел, затарившись дочерью, тащившей две пока еще пустые корзины, зятем, за

спиной которого высился короб в человеческий рост. Сама же Цепкина запаслась рюкзаком, в котором помещались корзина и два пятилитровых бидона.

– Держу пари, Юра, Амфитрион найдет возможность к нам присоединиться, – весело подмигнул Дудкину Толян.

– И как всегда на халяву, – хитро прокомментировал пьяница-музыкант, пока еще трезвый, что с ним случалось крайне редко.

– Да ладно, разделим на троих, – уже тяпнувший с утра Рулеткин пребывал в благодушном настроении. – Понимаешь, Юра, – доверительным шепотом сообщил он приятелю, зачем-то наклонившись поближе к его уху, хотя рядом никого не было. – Я на всякий случай с собой еще «малька» прихватил.

От этой информации у Дудкина моментально загорелись глаза, и он даже облизнулся, однако вспышка тут же погасла. Пока еще трезвый музыкант лишь похлопал Толяна по плечу, выразив таким образом избыток чувств.

* * *

– Доброго утра вам, Пелагея Егоровна, – поприветствовала Коробочку Саврасова.

Цепкина повернула голову к говорившей и, слегка прищурившись, начала внимательно всматриваться в приветствовавшую ее женщину.

– А, Ольга, – наконец признала она Саврасову. – Решила навестить родные края?

– Да, Пелагея Егоровна. Надо же иногда бывать, а то дом совсем придет в упадок.

– Это верно, – сразу согласилась Цепкина. – За имуществом нужен глаз да глаз, – и она быстренько зыркнула в сторону зятя.

– А насчет утра, – добавила она, – так это может у вас городских утро, а у нас деревенских – день в самом разгаре. Пока мы с тобой лясы точим, все ягоды оберут с грибами вместе в придачу.

– А не рано ли еще для грибов, они обычно только в августе идти начинают. Разве что колосовики? – спросила Гляссер.

– Это моя коллега из музея, – поспешила представить экспоната нахмурившейся Коробочке Саврасова.

– В этом году дождливо, первый слой уже прошел, – опережая возможную невежливость со стороны матери, вступила в разговор Зоя.

– Ну, а много народу у вас в Полянске ходят в лес? – продолжила расспрашивать Гляссер.

– Сегодня суббота, думаю, что немало, – ответила Редькина. – Вон еще какая-то пара с ребенком идет, – и Зоя указала в сторону Штеменко.

– Понаехали тут дачники, – проворчала Цепкина. – Лес-то казенный, всем хочется.

– Да они мест-то не знают, – легкомысленно махнула рукой Ольга.

– Не знают?! – удивилась ее наивности Коробочка. – Не знают, да узнают. Они же за нами следить начнут! Или вот зятюку моему стопаря поднесут, он, алконавт, все и выложит, – обернулась она в сторону зятя и вдруг застыла в недоумении: Амфитриона Ферапонтовича, еще минуту назад шедшего по лесной дороге, нигде не было видно.

– Опять убёг, поганец! – всплеснула руками теща. – Ну, что стоишь, давай его отлавливать, а то опять примет и тогда какой из него сборщик!

Потянув дочь за рукав плаща и зычно гаркнув на весь лес: «Амфитрион!!», Коробочка, не попрощавшись, удалилась, прихватив с собой Зою.

– Ну и экземпляр, – невозмутимо улыбнулась уголками рта Гляссер.

– Да уж, Екатерина Антоновна, – подтвердила Ольга. – У нас в деревне еще кадры найдутся, увидите.

– Куда уж я денусь, – невесело усмехнулась Гляссер. – Ладно, пойдем, Оля, в конце концов у нас дела. Далеко еще до места?

– Километра полтора, Екатерина Антоновна.

Они неспешно двинулись по лесной дороге, с удовольствием вдыхая насыщенный ароматами воздух, не замечая, что за ними пристально следят.

– Ну и куда пойдем, Олег? – поинтересовалась супруга. – Где здесь черника?

– Пристроимся вон за той группой, Ася, – беззаботно ответил Штеменко, указывая рукой на двоих мужчин и двоих женщин.

Синицкие и Цельские (а это были они) неспеша двигались в сторону большого черничника.

– Мне кажется, эта молодая пара с девочкой с нас глаз не спускает, – иронично заметила Елизавета Григорьевна.

– Ну, так что ж, Лиза, лес большой – всем хватит.

– Вы хотите сказать, они пытаются разведать наши места, Артамон Георгиевич? – в голосе Инны Цельской смешались недоверие и возмущение.

– Ах, какое вероломство, Инночка, – почти пропела Елизавета Григорьевна.

– Может попробуем их запутать, а? – предложил Николай Антипович.

– Это как? – не поняла парикмахер.

– Артамон и я оторвемся, а дамы останутся тут. Они наверняка пойдут за нами, но с дочкой они не слишком-то мобильны, мы прибавим шаг, те потеряют нас из виду, а потом мы встретимся с нашими дамами в оговоренном месте. Что скажешь, Артамон?

– Не стоит, – великодушно сказал Синицкий. – Я повторюсь – лес большой.

– Ну что ж, Моня, пошли на место, – слегка подтолкнула его супруга. – Ты наша семейная совесть.

– Согласен, Лизонька, – степенно кивнул головой Синицкий.

Четверка родственников неспешно продолжила путь к большому черничнику; один из них краем глаза держал в орбите своего зрения двух женщин, также неспешно следовавших по лесу. Теперь за Екатериной Анатольевной Гляссер и Ольгой Матвеевной Саврасовой следовало, как минимум, двое.

* * *

– Не устали, Софья Карповна? – врач-реаниматолог виртуозно изобразил голосом заботливость.

– Пока нет, Максимчик, но если что, я присяду, отдохну. Сложу плащ втрое, не простужусь.

– Смотрите. Вот уже черника, может начнем собирать?

– Да как-то тут маловато и не очень крупная она, – засомневалась теща. – Впрочем, как хочешь, я-то думала за людьми пойти, но в принципе, чего далеко тащиться, ноги сбивать, можно и тут по ягодке.

– Вообще-то Ниночка наказывала побольше к зиме собирать, – вспомнил указание уехавшей с сыном жены Его-

ров.

– Ничего, мы потихоньку, – Софья Карповна уже открыла крышку пятилитрового бидона. – А вон там, смотри Максимка, не подберезовик ли?

Егоров сделал пару шагов в сторону гриба, на который указывала теща и, наклонившись, сорвал его.

– Верно, Софья Карповна, а вы мастерица грибы собирать.

– Да надо что-то одно, на всё времени не хватит.

– А что же, я могу по грибы, – воодушевился зять.

– Ленивый ты, Максимушка, – попеняла ему теща. – Всё норовишь выбирать что полегче. Вот наберем бидон, там видно будет. А пока начинай брать с Богом помолясь, вон там вроде ягода покрупнее.

Врач-реаниматолог вздохнул, достал свой бидон и, прихлопнув больно впившегося комара, принялся за дело.

* * *

– Ольга, аууу, – сложив руки трубочкой, прокричала Глясер.

Пять минут назад она обнаружила крупный подосиновик. Срезав гриб, она заметила невдалеке несколько моховиков и поспешила к ним. В экс-директоре краеведческого музея разгорелся вегетарианский охотничий азарт. За моховиками последовала мини-полянка лисичек и вскоре уже Глясер с победным видом прижимала к груди полпакета грибов.

Только тут, обнаружив отсутствие коллеги, Екатерина Антоновна быстро вышла из состояния эйфории. В характере ее сочетались вполне увлеченность и практичность.

Она дважды позвала Саврасову, но никто не отозвался. Экс-директор огляделась по сторонам.

«Так, с какой же стороны я пришла?» – начала размышлять она, обернувшись вокруг своей оси. «Вот! Кажется оттуда...» – наконец определилась она. Не забыв прихватить на треть полный черникой бидон, оставленный ею метрах в десяти от полянки лисичек у поваленного дерева и взяв в другую руку полпакета свежесрезанных грибов, который она несла уже без особого пиетета, помахивая им, Гляссер покинула грибное место с некоторым сожалением, но и с четким пониманием необходимости найти коллегу, отлично знающую этот лес. Пройдя метров сто в ту сторону, откуда (как полагала Гляссер) они пришли, Екатерина Антоновна заметила высокую худощавую женщину в темно-синем плаще.

– Скажите, пожалуйста, где здесь центральная дорога? – устремилась к ней Екатерина Антоновна.

– Какая... центральная... дорога? – чуть не выронила корзину от неожиданности женщина в плаще.

– Ну, то есть, лесная дорога, что ведет из деревни, – несколько сумбурно проговорила экс-директор музея.

– Какая-то дорога вон там, – женщина в плаще махнула слева от себя.

– Да, это, наверное, она, – совершенно успокоилась Гляс-

сер. – Скажите, а вы не видели здесь женщину помоложе меня в косынке, у нее был бидон, а одета она в желтый плащ? – тут же задала новый вопрос экс-директор.

– Она прошла мимо меня минут десять назад в ту сторону, – и женщина показала на большой черничник, уходящий, по-видимому, в глубь леса.

– Странно, что Оля не звала меня. Или я ее не слышала? – пробормотала Гляссер.

– Вы что-то сказали? – спросила ее неизвестная женщина.

– Нет, нет, ничего, извините. Спасибо вам за помощь.

– Да не за что, – слегка удивилась ее новая знакомая.

Экс-директор музея отошла на несколько шагов. Постояв с минуту в нерешительности, она внимательно огляделась вокруг, затем направилась в сторону где, по словам женщины в тёмно-синем плаще, провожавшей Гляссер несколько удивленным взглядом, проходила дорога в деревню.

* * *

– Ну что, вздрогнем?! – Амфитрион Ферапонтович Редькин с благоговейным почтением поднял небольшой пластиковый стаканчик на две трети заполненный весьма уважаемой им «Пшеничной».

– Будем! – коротко высказался Владлен Дмитриевич Рулеткин, переведя взгляд на третьего собутыльника – музыканта Дудкина.

Юрий Петрович лишь коротко кивнул, только слегка дернулся кадык. Дело было в том, что пока приятели тостовали, он уже выпил без лишних эквивоков и теперь ничтоже сумняшеся, закусывал. Бог в лице Амфитриона Ферапонтовича Редькина послал в ту июльскую субботу нашему музыканту докторской колбаски с хлебом, соленых огурчиков и некрупные шпроты, которые Юрий Петрович извлекал из заблаговременно открытой банки прямо рукой.

– Однако, Юра... – в восхищенном тоне Рулеткина проскальзывали нотки неудовольствия.

Рулеткин, в отличие Редькина, неспешно опорожнил стаканчик и тоже степенно закусил, после чего вытер губы салфеткой, возможно, хотел выглядеть интеллигентнее.

– Как это тебе удалось ускользнуть от Пелагеи, а, Митрион, – поинтересовался Дудкин.

– Уметь надо, – отметил довольный зять грозной Коробочки, отправляя в рот соленый огурчик.

– Похоже сегодня полдеревни в лес собрались, – заметил, закуривая сигарету «Прима» Рулеткин.

– Если не вся, Ильич, – улыбнулся Редькин, так иногда шуточно называвший приятеля-собутыльника, который был немного внешне похож на Ленина.

– Да ты об этом говорил, склероз у тебя что ли? – удивленно поглядел на Редькина Дудкин. – Скажи лучше, Амфитрион, ты черникой-то, как отчитываться будешь?

– Это вопрос непростой, – картинно почесал в затылке

Редькин. – И я думаю, друзья, – торжественно добавил он. – Прежде, чем на него ответить надо хватить еще по одной, как считаете, а?

Предложение было единогласно поддержано и благополучно претворено в жизнь, под сопровождение тоста за успешный сбор лесных даров.

– Только сегодня много приезжих, – добавил он, рассеянно наслаждаясь окружающим пейзажем.

– Это ты верно заметил, – согласился Владлен Дмитриевич. – Да пожалуй, больше: полдеревни плюс приезжие. Что скажешь, Юра?

* * *

– Слушай, Олег, а где Света? – неожиданно спохватилась Штеменко, оторвав голову от изобилия крупных спелых черничин.

– Да должно быть где-то здесь – сразу же обеспокоился отец. – Ведь несколько минут назад тут вертелась.

– Света, Света! – закричал он.

На призыв никто не откликнулся.

– Говорила же я тебе: ни на шаг не отпускать ребенка, – напустилась на него мать.

– Ну а ты где была? Заснула, что ли? – огрызнулся Олег. – Да не волнуйся, ей же сказано: не отходить от нас. Она девочка послушная.

– А может она специально не отзывается? – заподозрила Аля. – Светка, хватит играть в прятки, отзовись! – закричала она.

Прошло не менее пяти минут, когда обеспокоенные родители, забыв про ягоды и бросившись на поиски дочери, заметили бегущую к ним по кочкам детскую фигуру.

– Вот она, – первым увидел девочку отец.

– Светка! – закричала мать. – Куда ты подевалась?! Вот я тебя сейчас отшлепаю!

– Папа, мама! – голос ребенка звучал испуганно. – Там тетя лежит и не двигается!

– Да ты что?! Где? – сразу посерьезнел Штеменко.

– Пойдемте, я вам покажу, – потянула отца за рукав девочка.

Поспешно подхватив бидоны, молодая пара устремилась за ребенком. Метров через триста они действительно увидели во мху лежащую женщину в желтом плаще.

Подойдя поближе, оба замерли, а Аля выронила бидон. Крупные зрелые черничины бусинками рассыпались по мху.

– Смотри, Олег! – и Аля указала дрожащим пальцем на небольшой грибной нож, торчавший из горла женщины. Всё вокруг было забрызгано кровью.

– Света, не смотри, – развернул девочку к себе отец.

Супруга же продолжала глядеть на женщину застывшим взглядом и через несколько секунд не удержалась от громкого почти истошного вопля.

Буквально через пару минут к ним прибежал не старый еще мужчина с всклооченными волосами, за его спиной спешил к ним другой.

– Милиция! – истошно безо всяких «почти» завопил музыкант Дудкин, глядя на лежащую женщину. – Милиция!

Глава 2

Заседание в Луге

В понедельник 30 июля 1993 года в кабинете начальника лужской милиции полковника Дудынина собрались трое: хозяин кабинета, прокурор Ермолкин и следователь Макушкин.

– Да-а-а... Снова Полянск преподнес нам сюрприз, – нетерпеливо расхаживая взад-вперед по кабинету, заложив руки за спину, невыразительным тоном произнес полковник. – Женщину ударили ножом в яремную вену, да еще тело обнаружил ребенок. Куда мы катимся?!

– Что показали результаты вскрытия? – нетерпеливо прервал причитания коллеги прокурор.

– Да вот, читайте отчет Тропининой, – пододвинул Ермолкину через стол несколько листов в полиэтиленовой папке Дудынин.

Ермолкин быстро пролистал заключение.

– Ну что, дело ясное, Владислав Анатольевич, – деловито подытожил он. – Орудие убийства – нож, который принято в деревнях называть грибным.

– Это типа перочинного? – подал голос Макушкин.

– Сходите в отдел вещдоков, посмотрите, – сухо предложил ему прокурор. – Итак, Владислав Анатольевич, кто на-

ша убитая?

– Ольга Матвеевна Саврасова, сотрудница Лужского краеведческого музея.

– Саврасова, – задумчиво протянул прокурор. – Кажется, в Полянске несколько лет назад убили некую Саврасову.

– Боюсь, что не помню, Олег Константинович, – наморщил лоб Дудынин.

– Я вам верю, Владислав Анатольевич, – оживлённо отреагировал Ермолкин.

– А сколько лет этой Саврасовой? – вступил в разговор Макушкин. – Я, конечно, имею в виду убитую в эту субботу.

– Сорок три года, – сообщил полковник.

– Я так предполагаю: раз я здесь, то вы поручите мне принять это дело к производству. Я прав, Олег Константинович?

– Безусловно. Начинайте работать. С чего думаете начать?

– Ну конечно, нужна подробная информация о личности убитой. А это не могло быть самоубийством? – пришла в голову следователю новая мысль.

– Вряд ли, – сразу высказался прокурор. – Впрочем, для верности поговорите с Тропининой.

– Что в этом деле уже сложилось, – вздохнул Дудынин, – так это место преступления. Поди разбери, кто мог зайти в этот лес. Да любой!

– Включая волков, – не удержался прокурор.

– Если нет прямого свидетеля, то алиби тут, по-моему, установить невозможно, – проигнорировал шутку прокурора

полковник.

– Согласен с вами, Владислав Анатольевич, – поддержал следователь. – А что-нибудь существенное ваши милиционеры на предварительном этапе?

– Поговорите с Мигуновой, она выезжала. Как я понял, в лесу в тот день народу было полно, суббота, дачники понаехали и ломанули за черникой.

– Конечно, я встречусь с ней. Пожалуй, заеду в Утёсово в конце рабочего дня, а вечером уже буду в Полянске.

– Кого думаете взять с собой? Скворцов, у которого в Полянске родственники, всё еще в отпуске.

– Жаль. А когда выходит?

– Формально в четверг, но у него еще отгулы.

– Нечего отгуливать, – включился Ермолкин. – Произошло серьезное преступление, и он знает Полянск как свои пять пальцев. Надо не отгулы ему давать, а вызвать из отпус-ка.

– В своем ведомстве я сам разберусь, Олег Константинович, – жестко отшил прокурора Дудынин. – С вами поедет сержант Баринов, а капитан присоединится, когда выйдет из отпуска.

– Ему уже дали капитана? Не знал.

– Весной присвоили, Еремей Галактионович.

– Наверное, не отмечали, если вы не в курсе, – пустил шпильку в адрес следователя Ермолкин.

– Как бы то ни было, я думаю дядя Скворцова не откажет-

ся вас принять, – подытожил начальник лужской милиции.

– Даже если по каким-то причинам и откажется, у нас, я думаю, есть еще к кому обратиться, Владислав Анатольевич.

– А-а, вы наверное о Таисии Игнатьевне, Олег Константинович, – догадался Дудынин. – Вот уж не знаю, удобно ли обременять старушку, мы и так ей докучаем постоянно со всякими расследованиями. В конце концов, коллеги, будем говорить откровенно, именно она делает за нас основную часть работы. А тут еще очередной сюрприз в виде нового убийства.

Закончив столь продолжительную тираду, полковник достал из навесного шкафчика бутылку «Нарзана» и с подозрением покачав головой, открыл крышку. Последнее время начальника лужской милиции терзали очень даже явные сомнения, а действительно ли кавказские минеральные воды везут с Кавказа?

Прокурор не стал ждать, пока коллега освежит горло. Ухватившись за последнюю фразу, он проанализировав важную роль Таисии Игнатьевны, перешел в контратаку.

– Что вы заладили – сюрприз, сюрприз? – в его тоне обособовалась немалая толика раздражения. – В Полянке уже пятый год происходят убийства, а для вас это все сюрприз!

Дудынин неспеша налил в стакан «Нарзана» и сделал несколько глотков.

– Вы еще скажите, что их притягивает Таисия Игнатьевна, – парировал он.

– Оставьте в покое Таисию Игнатьевну, – прочти изъяс из голоса раздражение Ермолкин, зато с лихвой добавил туда струю усталости:

– Я в первую очередь говорю об Образцовой. Когда я был в Полянске, я заходил к ней, – дом у нее просторный, есть где разместиться.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Дудынин. – Эта сплетница с восторгом пустит к себе милицию. Хотите «Нарзану», коллеги? – предложил он, допивая из стакана.

– С удовольствием! – тут же согласился Макушкин и за чем-то погладил бороду.

Прокурор покосился на него, но промолчал. Он полез в карман за трубкой, но потом, взглянув на часы, передумал.

– Что ж, коллеги, – с легкой хрипотцой проговорил он. – Полагаю, пора закрывать наше, эээ... заседание, – не сразу подобрал подходящее с его точки зрения, определение, а наконец, подобрав, улыбнулся, так как употребленный им термин по значимости явно превосходил статус их встречи, тянувший разве что на оперативку.

– Я готов приступить к делу, коллеги, – откликнулся Макушкин. – Хорошо бы только узнать, есть ли сейчас в Полянске эта Образцова и Таисия Игнатьевна?

– Да, – задумчиво обвел рассеянным взглядом кабинет прокурор. – Согласен, вопрос не праздный. Особенно, – добавил он, – я бы хотел узнать, что поделявает сейчас наша Холмс.

Глава 3

Утро «курортницы»

А что же в самом деле подделывала Холмс, она же Таисия Игнатьевна?

В конце того июля 1993 года, когда развернулись события, описываемые в нашем повествовании, Таисия Игнатьевна прекрасно проводила время в санатории «Сестрорецкий Курорт», куда ее по знакомству и в благодарность за освобождение от подозрений устроил за минимальную плату доктор Брянецв.¹

В то замечательно теплое воскресное июльское утро Сапфирова вышла из своего достаточно, с ее точки зрения, комфортабельного двухместного номера, который она делила с Аделаидой Евгеньевной Ярцевой, учителем истории на пенсии. До завтрака Таисия Игнатьевна выпила у себя чаю с печеньем и отправилась на свой ежедневный променад, подкрепиться неповторимым воздухом санаторного парка. Не спеша прогуливаясь и наслаждаясь насыщенным букетом трав, деревьев, ягод и каким-то уж совсем неопределимым разлитым в воздухе терпким ароматом, Таисия Игнатьевна думала о Полянке. Вот уже четвертое лето подряд Таисии Игнатьевне выпадало расследовать загадочные убийства и

¹ См. «Пояс Поветрули»

каждый раз ей удавалось вычислить преступника. Гуляя по парку, она живо представила себе односельчан и сотрудников лужской и утёсовской милиции, мысленно порой ведя с ними диалоги. Вот веселая улыбка озарила ее лицо – она вспомнила о пьянице-музыканте Дудкине, его собутыльниках и особенно о хитроване Амфитрионе Редькине, почти всякий раз умудрявшемся обвести вокруг пальца пытавшуюся быть грозной тещу.

Что касается работников милиции, то там тоже было кого вспомнить: в первую очередь, конечно, прокурора Ермолкина. Первостатейный хам, но надо отдать ему должное – далеко не дурак! Закончив с прокурором, она переключилась на начальника лужской милиции. Доброжелательный, предупредительный, – Сапфирова даже не побоялась слова «галантный», – полковник Дудынин, к сожалению, был человеком не великого ума. О лейтенанте, теперь уже, наверное, капитане Скворцове, – одернула себя Холмс, и ее одухотворенное приятным воспоминанием лицо осветила теплая улыбка. Энергичный, находчивый, но несколько легкомысленный Володя вызывал у Сапфировой искреннюю симпатию.

– Не всем же иметь такой острый ум, как у нашего прокурора, – пробормотала она. – А если Володя чего-то недопоймет, то она, Холмс, додумает за своего Ватсона, и вместе они составят отличный тандем.

Так, предаваясь приятным мыслям и с удовольствием перебирая портреты из галереи колоритных образов, Таисия

Игнатъевна дошла до конца терренкура. Отдав должное физической части отдыха, Холмс с чувством исполненного долга отправилась на завтрак.

Таисия Игнатъевна отдыхала в санатории уже восемь дней и успела за это время свыкнуться с меню.

Она философски отнеслась к озвученному тезису о полезности и диетической ценности овсяной каши. Йогурт и фрукты на завтрак, а также яичница без колбасы и булка с маслом составляли более приятную часть меню.

– Ну что, как обычно, пойдем на пляж? – поинтересовалась Холмс, делая очередной глоток объявленного очень питательным и низкокалорийным настоящего зеленого китайского чая в аутентичности которого санаторное начальство было готово расписаться чуть ли не кровью.

Так переговаривалась ежеутренне, разделявшая с Таисией Игнатъевной ее номер, Ярцева.

– Конечно, погода-то шепчет, – подтвердила своей визави обычное времяпровождение Сапфинова.

Отдохнув в номере около часа после завтрака Таисия Игнатъевна облачилась в более легкое платье из ситчика и взяв с собой детектив Чейза, отправилась погулять по берегу – полюбоваться волнами и посмотреть на загорающих вблизи. Вскоре через некоторое время к ней присоединилась Ярцева; они коротко обсудили текущую политическую ситуацию в стране, причем Ярцева привела интересные исторические параллели с событиями в России в 1917 году меж-

ду Февральской революцией и Октябрьским переворотом. После этого Аделаида Евгеньевна рассказала Сапфировой несколько забавных анекдотов из эпохи Екатерина Великой, а Холмс, в свою очередь, развлекла собеседницу забавными впечатлениями от сыскной деятельности следователя Макушкина.²

Минут через сорок, слегка пресытившись исторической тематикой, веселыми визгами периодически производимыми стайками детей и в принципе уставшая от длительной ходьбы по пляжу, а до завтрака – по терренкуру, Таисия Игнатьевна разместилась на облюбованной ею со дня приезда скамейке, уютно расположившейся близ прибрежного кафе.

Прочитав несколько страниц из Чейза, Таисия Игнатьевна слегка задремала и, проснувшись примерно через час и взглянув на стильные изящные часики, чувствовавшие себя как дома на тонком и еще довольно красивом запястье хозяйки, Сапфирова пришла к выводу, что приближается обеденное время.

Зайдя в номер переодеться к обеду в светлое льняное платье, она, как и ожидала, застала там Ярцеву. Обычно Аделаида Евгеньевна возвращалась в номер чуть раньше Сапфировой, ей надоедала жара и к тому же она писала какую-то историческую повесть из времен Александра Первого, причем добралась, по ее словам, уже примерно до середины.

На обед дамы вышли вместе и неспеша двинулись к столо-

² См. «Конский волос»

вой. Неожиданно ежедневная безмятежная атмосфера оказалась нарушенной: в коридоре Сапфирова и Ярцева буквально столкнулись с дежурным администратором и милиционером в форме.

– Что-нибудь случилось? – живо поинтересовалась, глядя на взволнованные лица администратора, обладавшая чуть более быстрой реакцией, Ярцева.

Бросив первый взгляд на милиционера, зачем-то сделав небольшой круг левым запястьем в воздухе, Наталья Юрьевна решила:

– Ах! Да чего уж там, Аделаида Евгеньевна! – с интонацией человека, чье дело проиграно, проговорила администратор. – Чего таить, скоро все узнают – у Кольцовой из шестнадцатого номера пропало жемчужное ожерелье!

Глава 4

Полянк бурлит

Когда через несколько часов в Полянку приехала милиция, в деревне уже вовсю обсуждали убийство в лесу. Особенно ораторствовала Цепкина:

– Похоже, наша деревня кем-то проклята! – несколько раз безапелляционно заявила она.

– Да кем же, мама?! – не удержалась от вопроса Зоя.

– Точно сказать, Зоенька, не могу, – протрубила мать. – Но не исключено, что Шельмой.

Стоявший несколько поодаль то ли из почтения, то ли из опасения, зять возвел очи к небу и, обменявшись понимающим взглядом с женой, ретировался.

– Эх, Пелагея Егоровна, ну и фантазия у вас, – высказался уже изрядно тяпнувший Рулеткин.

– Это у тебя фантазия, когда накачаешься своим дурманом, – покосилась на него Цепкина. – А я дело говорю, как вообще может быть иначе?!

– О чем это вы тут, касатики, толкуете? – откуда-то сбоку раздался надтреснутый голос восьмидесятилетней Матрены Тимофеевны.

«Ее еще не хватало, принесла нелегкая,» – с раздражением подумала Цепкина, но вслух высказалась более тактично:

– Прокляли нас, как пить дать, Матрена Тимофеевна, вот о чем я толкую.

– Ить кто проклял-то, а, Пелагея? – старуха придвинулась к Коробочке поближе и принялась пододвигать голову с подслеповатыми глазами прямо к лицу Цепкиной, вкручиваясь в нее, словно сверлом на расстоянии.

– А леший его знает! – инстинктивно отстранившись от старухи, буркнула Пелагея Егоровна. – Подозреваю, что Шельма воду мутит.

– Лешего поминать не надо, тем более всуе, – строго отчитала младшую односельчанку Матрена.

Еще раз, как бы на прощание, сурово-пристально впившись в Коробочку пытливым взглядом, старуха приняла свое естественное положение полувопросительного знака.

Прибывшую утёсовскую милицию в лице старшего лейтенанта Мигуновой и сержанта Баринаова, а с ними врача Тропинину, в первую очередь интересовали естественно те, кто непосредственно обнаружили тело.

– Так, кто обнаружил покойную? – деловито спросила Мигунова у встретившей милицию прямо у поворота Симагину.

Однако та не успела ответить, ее опередила неожиданно вынырнувшая из-за спины Марии Николаевны Ленка.

Мигунова сразу узнала главную местную сплетницу. Забыть ее тощую угловатую фигуру мог лишь человек, страдающий серьезными провалами в памяти.

– Их фамилия Штеменко, – без пустопорожних преамбул

выдала нужную информацию Образцова. – Пойдемте, я вам покажу, где их дом.

Мигунова на мгновение заколебалась: доехать ли ей или дойти пешком.

– Садитесь в машину, – милостиво разрешила ей Ленка, быстро покончив с колебаниями старшего лейтенанта.

Не дожидаясь реакции сотрудницы милиции Ленка уверенно распахнула заднюю дверцу.

И все же она секунду промедлила, потратив драгоценное мгновение, бросив скользкий, безусловно рассеянный взгляд на Мигунову и тут же была наказана за свой непрофессионализм.

– Спасибо, Лена, – поблагодарила «начальницу» Симагина и быстрым элегантным движением ввинтилась в открывшуюся, как в волшебной сказке дверцу.

Ленке ничего не осталось, как устроиться на заднем сидении рядом с отыгравшей позицию заместительницей. Мигуновой же пришлось сесть впереди и буквально процедить сквозь зубы удивленному этими телодвижениями Барина:

– Поезжай, куда покажут эти две... дамы.

Последнее слово ей давалось с особенным трудом, ей очень хотелось употребить существительное «кумушки», но она и так уже проиграла профессиональным сплетницам вчистую, хотя все же смогла сохранить лицо, не опустившись до хамства – не зря все-таки начальство повысило Ольгу Ильиничну в должности. Начальству-то, ему виднее!

Когда машина двинулась вперед по деревне, наблюдавшая из окна этот бесплатный и весьма качественный для любительского спектакль, Елизавета Григорьевна Синицкая весело рассмеялась, представив как в лицах изобразит эту сцену Артамону и будет с удовольствием подтрунивать над ним, что он где-то болтался в этот момент и пропустил такое захватывающее шоу.

Штеменко встретили милиционеров и сплетниц около дома, точнее, на улицу вышел Олег.

– Жена осталась дома с дочкой, мне бы не хотелось, чтобы вы расспрашивали нас при ребенке. К тому же никто из нас не знал убитую, – сразу обозначил свою позицию Штеменко.

– А кто убит, как фамилия? – спокойно поинтересовалась Мигунова.

– Понятия не имею, я же вам сказал!

– А откуда вы знаете, раз вам неизвестна ее фамилия?

– Далась вам эта фамилия, я же не слепой! Мне-то ее лицо незнакомо.

– А вы успели ее разглядеть, Олег... э-э-э?

– Васильевич, – тут же услужливо подсказала Симагина.

– Спасибо, – сухо поблагодарила сплетницу старший лейтенант.

– Достаточно разглядел, чтобы утверждать, что в глаза ее не видел! – уверенно заявил начинающий бизнесмен.

– Ну, а сегодня вы не видели ее... живой? – продолжила расспрашивать Мигунова.

– Может быть, мельком, – пожал плечами Олег.

– Ну что ж, я коротко опрошу вашу жену, а уж более подробно вас будет допрашивать следователь.

– Моя жена тоже ее не знает, ни в лицо, ни по фамилии.

– Да Саврасова ее фамилия! – не выдержала Ленка. – Простейшая информация! – с укоризной обратилась она к Ольге Ильиничне. – Меня бы спросили, я бы сразу вам сообщила!

– Вот что, Андрей, – подозвала сержанта Барина Мигунова. – Мне кажется, нашим дамам пора по домам.

– Женщины, пройдемте! – тщетно пытаюсь придать своему голосу необходимую строгость, повернулся к сплетницам Баринов.

Кумушки, уяснив, что на сей раз протестовать бесполезно, удалились, но нарочито медленно, выразив таким образом свое недовольство. Особенно это касалось Симагиной, так как она пострадала по сути ни за что: ее шеф не вовремя влезла с подсказкой.

Вышедшая из дома жена Штеменко не сообщила ничего нового.

– Спасибо, Алевтина Петровна, – поблагодарила ее Мигунова.

– Олег Васильевич, – обратилась старший лейтенант к Штеменко. – Вы не могли бы показать мне, где нашли тело?

– Боюсь, я плохо знаю лес... – замялся Олег. – Там подошли еще два мужика, похоже, из местных. Думаю, они скорее смогут показать дорогу.

– А где их найти?

– Да вот один из них трется! – и Штеменко указал рукой в сторону музыканта Дудкина.

– Ага, – прокомментировала Мигунова. – Кажется, этого кадра я знаю.

– Добрый день, – решительно она подошла она к Дудкину. – Я старший лейтенант Мигунова. Вы один из тех, кто обнаружил труп в лесу?

Видимо серьезные печальные обстоятельства действовали отрезвляющие на пьяницу-музыканта, так как он твердым голосом подтвердил:

– Истинно говорите, я видел тело.

– Напомните ваше имя-отчество.

– Юрий Петрович. Я, кстати, помню, как вы приезжали к нам в деревню.

– Было дело. Вы можете показать место, где нашли труп?

– Конечно! Готов помочь.

– Тогда поедем. Кто-нибудь остался у тела?

– Владик, мой приятель. Не исключено, что кто-то еще. Там встретилась пожилая женщина, она рулить начала.

– Садитесь, Юрий Петрович. Мы на машине доедем до места?

– Во всяком случае подъедем поближе.

Мигунова, Баринов, врач Тропинина и Дудкин уехали, а у дома Штеменко тут же нарисовалась кучка любопытных наблюдателей.

Ленка и Симагина, конечно же, не ушли далеко и тут же подошли к еще не ушедшим в дом Штеменко.

– Я удивляюсь, эта чин из Утёсова, что думала, точно на машине можно въехать прямо в черничник?! – с иронией подлила масла в огонь Симагина.

– Меня лично удивило другое, – подал реплику начинающий бизнесмен. – Что эта малоинтеллигентная дура, а иначе я назвать ее не могу, меня все выпрашивала: знаю ли я убитую. Ей бы скорее до трупа добраться, а она время теряет! Такие вопросы потом должен следователь задавать. Хотя, впрочем, он может таким же дураком оказаться. Они тут все в провинции...

– Что это вы, молодой человек, так непочтительно отзываетесь о работниках нашей милиции? – неожиданно раздался сзади пожилой женский голос, в модуляциях которого даже опытное ухо вряд ли могло уловить намеков на несерьезность.

Штеменко резко обернулся. Перед ним стояла среднего роста средней комплекции женщина шестидесяти лет с бидоном в руке, одетая для похода в лес.

– Да-да, молодой человек! – продолжила Софья Карповна Полетаева, не давая Олегу рта раскрыть. – Можно подумать, вы хорошо знаете следственный процесс, сами-то в него не попадали?

– А вы собственно кто? – после небольшой паузы неприязненно спросил Штеменко.

– А я, собственно, Софья Карповна. Мой зять – врач-ре-

аниматолог Максим Ильич, остался дежурить у тела убитой женщины.

– Очень ценная информация, – пробормотала Алевтина.

– Нас дочка ждет, – разрешил ситуацию Олег, – Уверен, мы еще пообщаемся, Софья Карповна.

С этими словами он и жена зашли в дом.

Полетаева никак не прореагировала эти слова, даже не взглянула в его сторону.

– А ваш зять, наверное, осмотрел тело? – живо поинтересовалась Ленка.

– Конечно, – ответила Полетаева.

– Ну и каков результат?

– Мертвая, как и была, – удивилась Софья Карповна.

– И давно ее убили до осмотра? – попыталась пограмотнее реализовать свое любопытство Образцова.

– А вы почему так допытываетесь? – в свою очередь задавала вопрос Софья Карповна. – Вы что – официальное лицо?

– Ну я, в-общем-то, нет, – растерялась Ленка. – Но я, видите ли, привыкла быть в курсе всех местных дел. Вообще-то никто не удивляется, когда я задаю вопросы, ведь потом-то надо же информацией делиться с остальными, – последнюю фразу она проговорила совсем неуверенно, ее смущал равнодушный взгляд Полетаевой.

– Елена Поликарповна – главная местная сплетница, – четко и ясно пояснил статус Образцовой проходивший якобы мимо Редькин.

– А-а, так бы сразу и сказали! – голос Полетаевой потеплел и она даже улыбнулась. – Ну, всем до свидания, надо пойти Максимушке супу согреть.

Ленка и Симагина несколько секунд смотрели ей вслед, потом повернулись, чтобы поделиться впечатлениями, но того уж и след простыл. С присущей ему быстротой Амфитрион Ферапонтович дематериализовался по своим делам.

Сотрудникам милиции и Дудкину потребовалось примерно минут пятнадцать, чтобы добраться до места, до которого могла доехать машина. Около тела они обнаружили трех человек: двоих мужчин и одну женщину. Это были Рулеткин, Егоров и Гляссер.

– Вы из милиции? – тут же выступил вперед Егоров. – Я врач и взял смелость на себя осмотреть тело.

– Давно вы здесь? – спросила Мигунова.

– Да уж пару часов, а то и больше.

– Что скажете... э-э-э...?

– Максим Ильич, – подсказал Егоров. – Еще до моего прихода она была мертва, думаю, не больше часа.

– Спасибо, – поблагодарила Мигунова. – А вы кто? – обратилась она к остальным.

Гляссер и Рулеткин представились.

– Кто-нибудь из вас хорошо знал покойную?

– Я, – тут же ответила Гляссер. – Ее звали Ольга Матвеевна Саврасова и она работала в Лужском краеведческом музее, директором которого я раньше была.

– Ну что ж, – подвела итог Мигунова. – Я думаю дальше вас расспросит следователь. Он будет сегодня. Тело увезут, конечно, на вскрытие в Лугу, – добавила она, в первую очередь, для Егорова. – Сейчас Анастасия Дмитриевна тоже осмотрит тело, и мы вас подвезем до деревни.

– Спасибо, мы прогуляемся, правда, Юра? – спросил приятеля Рулеткин.

– Конечно, все ведь не поместимся в машину, – согласился Дудкин.

– Как хотите, – улыбнулась Мигунова. – Хотя сзади места много, всем хватит.

– Да нет, мы уж пешком. До свидания, – попрощался Рулеткин.

Тропинина закончила осмотр и не нашла ничего противоречащего заключению Егорова о времени смерти. Мигунова тем временем осмотрела нож и велела Баринову сделать фотографии.

– Ну что, Андрей, оставайся, жди следователя. Не скучай, а я довезу наших любезных сторожей до деревни.

Четверка уехала, оставив Баринова дожидаться начальства. Молодой сержант достал термос и бутерброды, расположился метрах в двадцати от тела. Он ни сном, ни духом не подозревал, что за ним пристально наблюдают двое: одной из них была женщина, у которой Гляссер пыталась узнать дорогу в деревню, а вторым – еще неизвестный читателю персонаж, которого мы пока представим как высокого худощавого

мужчину лет пятидесяти.

Глава 5

Второе пришествие следователя Макушкина

Еремей Галактионович Макушкин въехал в Полянск около четырех часов дня в понедельник. Перед отъездом он встретился с дежурным следователем Коньковым, первоначально осматривавшим тело. Коньков предоставил ему фотографии с места происшествия, а также отчет об осмотре дома, где жила убитая.

– Ничего интересного, – резюмировал Коньков. – Обычный быт для недеревенской жительницы.

– Я тоже, конечно, осмотрю, – важно заявил, поглаживая бороду, Макушкин, бросив недоверчиво-оценивающий взгляд на молодого начинающего коллегу.

– А вот опрос свидетелей, тех, кто непосредственно видел труп.

– Ага, спасибо, – Макушкин надел очки и пробежал глазами материал предварительного опроса.

– Ну, как я и ожидал, ничего не видел, ничего не знаю, – пробормотал Еремей Галактионович с нескрываемым раздражением, сложив листки пополам.

В Полянске его уже встречала главная местная сплетница, проинформированная Симагиной, которую в свою очередь

предупредили по телефону. Любезнейшая Мария Николаевна с удовольствием сама бы приняла у себя следователя и сержанта Барина, но Миня, как на грех, затеял в одной из комнат ремонт и Образцова резонно заметила, что у нее сотрудникам милиции будет куда, как удобнее.

Симагина, скрипя сердце, была вынуждена согласиться с этим аргументом.

– Располагайтесь, выпейте чайку! – захлопотала вокруг вновь прибывших Ленка. – Вас я, конечно, помню, Еремей Галактионович, – улыбнулась следователю заслуженная сплетница, к месту козырнув знанием его имени-отчества.

– А вот с вами, молодой человек, мы пока незнакомы.

– Это сержант Барин, Елена Поликарповна, можно просто Федя, – представил коллегу Макушкин.

– А что, Федя, не хотите ли чего-нибудь покрепче, за знакомство? – на голубом глазу предложила Образцова.

Сержант замялся, кинув вопросительный взгляд на следователя. Тот, однако, ответить не успел, – в дверь коротко постучали и, не дожидаясь ответа, на пороге появилась Симагина, надевшая одну из своих самых фальшивых сияющих улыбок.

– Здравствуйте, товарищ Макушкин! Как я рада вас видеть, поверите ли, прошло уже столько времени, а ваш профессионализм не выходит у меня из головы! – голос сплетницы переполнял неподдельный восторг.

– Садись, Маша, что будешь пить? – довольно прохладно

предложила «подчиненной» Образцова.

– Мне кажется, за знакомство неплохо было бы отведать твоей черносмородиновой наливки. Вот с вами, молодой человек, мы пока незнакомы, но вид у вас бравый, я бы с вами в разведку пошла.

– Это Федя, – слегка махнула рукой Ленка. – Ну что ж, наливка – дело хорошее.

– А сколько в этой наливке градусов? – поправляя очки, осведомился Макушкин.

– Очень хороший вопрос, Еремей Галактионович! – обрадовалась Симагина. – Я как раз хотела бы это выяснить. От души надеюсь, что вы-то мне и поможете разрешить этот вопрос.

– А ничего, что мы приехали сюда работать, Мария... э-э-э...

– Николаевна, – тут же подсказала Симагина.

– Так вот, Мария Николаевна, нам надо еще осмотреть дом покойной, побывать на месте убийства, – не сдавал позиции Макушкин.

– Так мы разве будем пить? – удивилась Симагина. – Так, пригубим, продегустируем. В конце концов, если вам нельзя, сержант мне поможет.

– Ему тем более нельзя, он за рулем!

Ленка, между тем, не обращая ни малейшего внимания на этот диалог, достала бутылку и расставила рюмки.

– Значит так, – принял решение Макушкин. – Если уж

необходимо, наливайте мне, а Федор пусть останется трезвым.

– Ну, тогда вам в двойном размере, товарищ Макушкин, – непередаваемо сладким тоном произнесла Симагина.

Ленка молча налила следователю полную рюмку, себе и Симагиной – по половинке.

– Ну и вам тогда парного молочка?

Баринов кивнул и хозяйка поставила перед ним кружку прохладного молока.

– За знакомство! – бодро провозгласила главная местная сплетница, подняв рюмку.

Обе женщины и милиционеры чокнулись. Макушкин, слегка крикнув, допил рюмку до дна и вытер салфеткой бороду.

– Я думаю, нам пора, – решительно поднялся он. – По-едем, Федор, осмотрим место происшествия. Елена Поликарповна, посоветуйте, кто бы нам показал дорогу.

– Да вот, Дудкин, – вмешалась Симагина. – Я пойду его разыщу.

– Очень обяжете, – поблагодарил Макушкин.

– А сколько, кстати, по-вашему, градусов в настойке? – вспомнила по дороге Симагина.

– Да я думаю, сорок-то будет, – задумчиво проговорил следователь.

– Надо же, мне показалось больше, – прокомментировала сплетница. – Ну, сидите, я скоро – одна нога тут, а другая

там.

И она поспешила разыскать Дудкина, а по пути растрепать максимальному количеству народа, что следователь уже принял полный стакан настойки, а сержант покуда еще трезв, но, по ее компетентному мнению, тоже не прочь тяпнуть.

Симагина, увы, не преуспела в своем намерении. Дудкин был уже не транспортабелен, точнее, он еще держался на ногах, но предъявить его в таком виде следователю Симагина все же не решилась. Что касается Рулеткина, то он куда-то уперся и раздосадованная сплетница вернулась в дом «начальницы» не солоно хлебавши.

– Ну что ж, тогда придется потревожить эту Гляссер, – без запинки сообщила фамилию экс-директора музея Ленка, что было немудрено, ведь память была рабочим инструментом сплетницы.

– А вот и нет, – с иезуитским удовольствием поделилась новой информацией Симагина. – Екатерина Антоновна сегодня уехала в город.

– А как же мы попадем в дом убитой? – обеспокоился Макушкин.

– Гляссер созвонилась с родственниками Саврасовой, и они договорились передать ключи Мине, а Миня вот... – и с этими словами заслуженная сплетница торжественно предъявила их присутствующим, словно то были ключи от захваченной крепости.

– Так, это дело мы решили, – объявил Еремей Галактио-

нович. — Осталось найти того, кто покажет мне место преступления.

— Могу и я, — вызвалась Ленка. — Оно же там огорожено, в конце концов.

— Это, конечно, да, — подтвердил следователь.

— Но Лена, тебя там не было, — засомневалась «зам». — Не взять ли за компанию этого предпринимателя, вдвоем вы точно найдете то место.

— Верно, только лучше взять врача, — воскликнула Ленка. — До чего же мы с тобой тупим, Мария!

Ей, конечно, улыбнулось частично не согласиться с «коллегой»!

При местоимении «мы» Симагина поморщилась: ситуация ее вообще несколько удивляла. Ей казалось странным, что следователь без помощи жителей не может попасть на уже осмотренное милицией место преступления.

— Итак, чем займемся сначала, Еремей Галактионович? — подал голос Баринов. — Поедем осматривать место убийства или дом убитой?

— Думаю, место, — решил следователь. — Хотя еще несколько часов будет светло, лучше начать с леса. Дом мы всегда осмотреть успеем. Будьте любезны, ключи, — протянул он руку.

— Конечно, Еремей Галактионович, — и Симагина вложила их ему в ладонь, одарив следователей очаровательнейшей улыбкой, самую малость сдобренной иронией.

– Давайте я разыщу доктора, – устремилась внести свою лепту Образцова. – Его зовут Максим Ильич.

– Буду вам признателен, – тепло и без всякой иронии поблагодарил Макушкин. – Кстати, – вспомнил он, – а где ваша подруга Таисия Игнатьевна?

– Таисия отдыхает, – с некоторой важностью в голосе сообщила Симагина, словно речь шла о высокопоставленной особе.

– В санатории или доме отдыха, – пояснила Ленка.

– Ну что ж, будем пока разбираться без нее, – бодро объявил Макушкин, – Елена Поликарповна, мы можем вас подождать в доме, пока вы будете отсутствовать?

Ленка заверила, что, конечно, всенепременно могут, а она мигом обернется: одна нога здесь, а другая – там.

* * *

Штеменко сидели на складных стульях у себя на участке и краем глаза наблюдали за дочкой, игравшей на удалении, метрах в тридцати.

– Интересно, Олег, она к нам или нет? – спросила Алевтина у мужа, завидев спешащую по деревне Ленку.

– Кажется, мимо проскакала, – проследив взглядом удаляющуюся угловатую фигуру, ответил муж.

– Похоже кто-то из милицейских типов приехал. Я слышала от соседей, что должен быть следователь.

– Наверняка, – согласился муж. – Ах, как не вовремя это убийство! – раздосадованно добавил он.

– Конечно, мы ведь уже довольно близко подобрались к кладу. Скорее всего ее зарезали именно из-за него, как думаешь?

– Точно, конечно, знать нельзя, – пожал он плечами. – Но для совпадения слишком маловероятно. Ладно, – поднялся он со стула, – будем начеку. Одна надежда, что следователь – дурак, попробуем преуспеть.

– Света, Света, – позвал он дочь. – Хватит болтаться на солнце, пойди-ка в тень, а потом мы с тобой поиграем в весёлые картинки.

Глава 6

Кусок карты

Ленка обнаружила доктора Егорова при деле – Максим Ильич чистил на крыльце картошку. Из дома шел мясной дух: Софья Карповна жарила на электроплитке котлеты. Услышав совсем близко легкий шорох, Егоров вздрогнул: он заметил приблизившуюся с невероятной быстротой Ленку только, когда она оказалась рядом с ним.

– Здравствуйте, – удивленно начал Егоров, но затараторившая Ленка сразу перебила его.

С трудом доступной пониманию, но все же кое-как доступной скороговорки, главная местная сплетница сумела донести до врача-реаниматолога, что он нужен милиции для показа места убийства.

– Раз нужен, вопросов нет, – сразу же поднялся Егоров. – Пойдемте в дом, я предупрежу Софью Карповну. Ваше имя-отчество? – осведомился он.

Образцова представилась. Сплетница оказалась в некотором затруднении: она никак не могла определиться, обижаться ли ей на то, что хозяин дома не знал, как ее зовут, либо прийти к выводу, что вежливый, пожалуй, даже любезный тон извиняет Максима Ильича. Пока Ленка ломала голову над этой несомненно сложной для нее дилеммой, Его-

ров, высокий симпатичный шатен лет сорока, неожиданно рассмеялся:

– А у вас отчество почти как у моей тещи, сейчас я вас познакомлю.

– Да мы знакомы, – с недоумением отреагировала Ленка.

Софья Карповна была одета в домашний халат из какого-то тонкого материала, скорее всего, шелк или батист, покрашенный в светло-розовый цвет, волосы уложены в затейливую прическу. Учительница математики на пенсии даже в деревне старалась выглядеть чуть ли не модницей.

– А кто это к нам пришел? – тоном, можно сказать, сладким, поинтересовалась она, перенеся внимание со сковородки с котлетами на вошедших.

Ленке почему-то пришло в голову, что именно с такой интонацией надо читать детям сказку о Колобке, и она с трудом подавила накотившее желание облизнуться.

– А-а, так у нас гости, – прищурилась Полетаева. – Ну-ка, ну-ка, посмотрим.

Надев висевшие на груди очки, она всмотрелась в гостью.

– Так, Максимушка, надеюсь, ты уже почистил картошку. Сейчас мы ее быстренько сварим и пригласим нашу соседку к столу, котлеты вот-вот поспеют.

– Это Елена Поликарповна, – представил Ленку Егоров. – Вообще-то, по-моему, она нам не соседка.

– Ну что ты! – укоризненно махнула ладошкой на зятя теща. – Мы тут в деревне все соседи.

– Софья Карповна, – поспешно начал врач. – Елена Пликарповна пришла по делу: я срочно понадобился милиции.

– Очень интересно, – очки, как показалось зятю слегка насмешливо сфокусировались на нем. – И чем же твоя скромная персона привлекла внимание милиции?

– Надо показать следователю место преступления, – неожиданным для нее самой деловым тоном пришла Егорову на помощь Образцова.

– Это, конечно, очень важно, помочь милиции, – согласилась Полетаева. – Но как же обед?

– Следователю хотелось бы успеть до темноты, – пояснила Ленка.

– Да я просто съезжу на своей машине – и сразу назад, – нашел выход из положения врач-реаниматолог.

– Ну, давай, поторопись, чтобы котлеты не остыли.

Прощавшись с Софьей Карповной, Ленка и Максим вышли из дома.

– Я минут через пять подъеду на своем драндулете, – весело бросил он сплетнице.

* * *

– Так вот, значит, где это произошло... – глубокомысленно проговорил Макушкин, размеренно теребя бороду. – Спасибо, Максим Ильич, – повернулся он к врачу. – Я вас не задерживаю.

– Ну, что скажешь, Федя? Есть какие-нибудь мысли? – поинтересовался Макушкин у Барина, когда они остались одни.

– Ну какие тут могут быть мысли, Еремей Галактионович? – удивился сержант. – Лес как лес.

– Я вот что думаю, Федор, – протянул Макушкин. – Место здесь на юру, хорошо просматривается. Как мог преступник быть уверенным, что его никто не увидит в момент совершения убийства?

– Наверное никак не мог, – пожал плечами Барин. – Вы уж извините, Еремей Галактионович, мне не по должности об этом размышлять.

– И то верно, – легко согласился следователь. – Ладно, Федя, поехали осматривать дом.

Когда сотрудники милиции приехали к дому Саврасовой, там их уже поджидали некоторые лица, Макушкину знакомые: прошло уже три года, с тех пор, как он расследовал в Полянске дело о конском волосе. Вообще с Полянском Еремей Галактионовича связывали не очень-то приятные ассоциации – он прекрасно помнил, как получил по голове где-то в лесу.

Не считая Симагиной, которую он прекрасно знал, несколько поодаль от дома выстроилось человек шесть. Среди них легко можно было узнать музыканта Дудкина, Рулеткина, не обошлось и без Цепкиной. Завидев милиционеров, Дудкин попытался было исполнить нечто на трубе, но су-

ровая Коробочка оборвала его потуги средней увесистости подзатыльником.

Повозившись с замком несколько минут, следователь и лейтенант прошли в дом. Методичный осмотр занял примерно полчаса. Как и дежурный следователь, Макушкин не обнаружил ничего особенно интересного. Паспорт убитой уехал в прокуратуру, туда же отправилось и удостоверение сотрудника Лужского краеведческого музея. Других документов обнаружено не было, равно как и каких-либо деловых бумаг или альбома с фотографиями. В конце концов убитая здесь не жила, наезжая лишь изредка.

– Хотя бы блокнот какой был или записная книжка, – пробормотал Макушкин, рассеяно разглядывая интерьер дома и проверяя карманы всей одежды, обнаруженной в доме.

Всё было безрезультатно: следователь ничего не нашел.

А вот сержанту Баринову повезло больше. Устав наблюдать за невыразительными действиями начальника, он от нечего делать стал пролистывать лежащие на тумбочке книги. Повертев в руках какую-то зарубежную фантастику (Баринов терпеть не мог этот жанр!), он с несколько большим интересом раскрыл довольно толстую книгу на тему краеведения. Опять же от нечего делать он стал разглядывать помещенную в центре книги вкладку с фотографиями, на которых были изображены какие-то средневековые строения. Скользнув взглядом по фотографиям, Баринов собрался уже закрывать книгу, но повинувшись какому-то непонятному им-

пульсу, пролистнул следующие после фотографий страницы. Тут его взгляд зацепился за факт, что некоторые строчки подчеркнуты красным цветом. Открыв разворот, на котором он обнаружил подчеркнутый текст, Баринов, уже вскарабкавшийся на начальную стадию любопытства, попытался вникнуть, о чем же шла речь в подчеркнутых строчках.

– Еремей Галактионович, – привлек он через несколько минут внимание следователя. – Здесь выделена какая-то история о кладях. Взгляните, вдруг это важно?

– А что там такое? – оторвался от бессмысленного созерцания окружающих предметов Макушкин.

– Да тут в книге речь идет о зарытых кладях, легенда, что ли, какая-то. Но не в этом дело. Тот кусок в тексте выделен красной ручкой, и я подумал...

– Дай-ка взглянуть, – заинтересовался следователь.

– Так-так, – несколько раз изрек Еремей Галактионович, вчитываясь в текст. – Поройся-ка дальше в книге, Федя, вдруг найдешь еще подчеркнутые места, а я пока продолжу осмотр.

Дальнейшие изыскания Баринова тоже увенчались успехом. В конце книги было помещено приложение с картами различных местностей лужского района. На одной из них, как раз вмещавшей Утёсово и близлежащую местность в радиусе километров на двадцать, Баринов обнаружил место, обведенное красным кругом.

– Здесь что-то отмечено, Еремей Галактионович, и похо-

же в наших краях.

— В каких это наших краях? Ну-ка, где же? Дай глянуть.

— Любопытно, однако, — прокомментировал следователь, глубокомысленно вглядываясь в обведенное красным кружком место. — Ну что ж, молодец, Федя! Книгу я изымаю. Теперь надо вынести ее так, чтобы никто не заметил, а то начнут задавать вопросы, а для этого, — завершил построение логической цепочки Макушкин, — мы положим ее в следственный портфель.

И Макушкин торжественно проиллюстрировал свои слова действием.

* * *

Худощавый, чуть выше среднего роста мужчина лет пятидесяти, расположившийся в палатке на берегу реки Крутой километрах в пяти от Полянска, уже в который раз хмуро рассматривал кусок старой карты. Картой этот кусок старой бумаги можно было назвать весьма условно, точнее сказать — это был фрагмент чертежа или какого-то плана. Судя по состоянию бумаги и чернил, создан был этот план отнюдь не в наши дни. На фрагменте явственно можно было идентифицировать русло какой-то реки, о чем свидетельствовало слово «река», но названия реки не было, после слова «река» следовал отрыв бумаги. Также на фрагменте была буква «л» и часть буквы «е», а рядом нарисовано нечто, похожее на лес.

– Да, – с досадой пробормотал Николай Валерьевич Дымин. – Основной вопрос: сколько же этих распроклятых кусков карты – три или четыре?!

* * *

Макушкин и Баринов шустро сели в машину и перебазировались к дому Ленки. Местные зрители, количество которых следователь уже не стал считать, потянулись вслед за милицейской машиной.

– Что у нас в ближайших планах, Еремей Галактионович? – бодро поинтересовался лейтенант у следователя.

– Завтра будем снимать подробные показания, Федор. Надо выяснять мотивы. Мотив в ходе раскрытия преступления во главе угла, – важно поднял палец вверх юрист 1-го класса.

– А вообще-то хорошо бы посоветоваться с Таисией Игнатьевной, – сообщил он коллеге, открывая дверцу и ставя ноги на землю.

– А кто это? – задал естественный в данной ситуации вопрос Баринов.

– Одна весьма неглупая местная жительница в возрасте. А вот сейчас и спросим у нашей хозяйки, – и он бодрой походкой направился к радушно, судя по позе, встречавшей их во дворе Ленке.

Глава 7

Курортницы занялись сыскным делом

Сапфинова и Ярцева гуляли. Ласковые, приятные на ощупь солнечные лучи доживающего последние дни июля качественно выполняли свои обязанности по согреванию двух пожилых дам.

– Что скажите о нашей криминальной истории, Аделаида Евгеньевна? – поинтересовалась Холмс с удовольствием вдыхая насыщенный квинтэссенцией различных запахов воздух санаторного парка.

– Нашего? – слегка иронично приподняла брови Ярцеваа.

– А хоть бы и так, – смело бросилась в бой Сапфинова. – Помнится, я вам рассказывала, что мне довелось принять участие в нескольких расследованиях, так что кое-какой опыт у меня имеется.

– Ну что ж, Таисия Игнатьевна, – приняла вызов Ярцева. – Поднимаю вашу перчатку. Значит, вы хотите попробовать, позвольте мне небольшой сленг, раскрутить эту историю?

– По-моему, это внесет некоторое разнообразие в наш регламентированный по часам отдых, вы не находите?

– Пожалуй, – согласилась историк. – Что ж, давайте, рассмотрим факты. Начинайте, Таисия Игнатьевна.

– Охотно. Итак, Кольцова Елена Станиславовна, возраст около тридцати пяти. Согласны, Аделаида Евгеньевна?

– Пожалуй. Возможно, даже чуть моложе.

– Не думаю, – покачала головой Таисия Игнатьевна. – Она пытается молодиться, но мой-то наметанный глаз не обманешь. Впрочем, продолжаю. Итак, госпожа Кольцова, да-да, не улыбайтесь иронически, Аделаида Евгеньевна! У нас теперь все господа! Проживает она на нашем этаже в номере 16. По ее словам, у нее пропало жемчужное ожерелье, ценность которого велика.

– По ее словам, – уловила интонационный акцент на этих словах собеседница.

– Конечно, – не удержавшись, рассмеялась Сапфирова. – Мы-то с вами не видели в глаза этого ожерелья, значит, нам предлагается, поверить потерпевшей придется на слово. Или, возможно, вы видели это ожерелье? – смех Сапфировой неторопливо преобразовался в улыбку.

– Но позвольте, Таисия Игнатьевна, – несколько опешила историк. – Я лично несколько раз видела на Кольцовой это ожерелье. Да, но, как же, ведь вы были со мной. Помните, тогда на этаже тот мужчина еще сделал ей комплимент, какое у нее красивое ожерелье. Да не может быть, чтобы вы забыли, Таисия Игнатьевна!

– Я-то не забыла, – вздохнула Холмс. – Но может быть, вы – ювелир, Аделаида Евгеньевна?

– А... да нет, я, нет..., – растерялась Ярцева.

– Ну вот, в том-то и дело, – неожиданно сухо проговорила Сапфирова. – Чем вы можете доказать, что на ней были жемчуга, а не имитация?

– Давайте присядем, – после небольшой паузы предложил Ярцева (они как раз подошли к скамейке).

– Пожалуй, я действительно не могу этого знать наверняка, – как бы пробуя каждое слово на зуб, согласилась она. – Ну а вдруг тот мужчина разбирается в жемчугах? Что скажете, Таисия Игнатьевна?

– Неплохо, – кивнула Сапфирова. – Наконец-то вы начали обнаруживать деловой подход. Сейчас это ваша гипотеза. Я нахожу ее возможной. Предлагаю вам, Аделаида Евгеньевна, проверить ее, то есть доказать или опровергнуть.

– Получается, мне надо расспросить его?

– Получается так, – улыбнулась Таисия Игнатьевна. – Заодно познакомитесь с нестарым, по-моему, еще вполне симпатичным мужчиной. Совместите приятное с полезным. Чем не курортный роман?

– Однако, вы не так безобидны, как кажитесь поначалу, – вынуждена была признать Ярцева.

– Рада, что вы это заметили, начав проявлять наблюдательность. Надеюсь, в ходе нашего небольшого расследования мне удастся избавить вас и от такого недостатка, как доверчивость.

– Излишняя доверчивость, хотите вы сказать?

– Просто доверчивость, – не приняла уточнение Сапфи-

рова. – Как говорила незабвенная мисс Марпл у Агаты Кристи: «Я вот уже Бог знает сколько лет не доверяю людям».

– А вы, похоже, ассоциируете себя с ней, а, Таисия Игнатьевна?

– Как знать, как знать... Но мы отвлеклись. Давайте обобщим известные нам факты и постараемся потом раскопать неизвестные, сначала, конечно, сделав все возможные выводы из известных нам фактов. Итак, Кольцова живет на нашем этаже, вместе с ней проживает в номере Анна Ивановна Рябчикова. Кстати, что вы о ней думаете?

– Кошечка неопределенного возраста, – вздохнула Ярцева. – А как она одевается! Их как будто специально поселили в один номер, чтобы Кольцова на ее фоне смотрелась королевой.

– Склонна согласиться с вашей оценкой, – меняя позу, проговорила Сапфирова. – Ну, а как по-вашему, могла бы она украсть жемчуг, я имею в виду, ассоциируется она у вас психологически с воровкой?

– Слишком сложный для меня вопрос, после некоторого раздумья честно призналась историк. – Давайте уж лучше я буду задавать вам вопросы.

– Ну что ж, начинайте, – улыбнулась Сапфирова.

– Не кажется ли вам, Таисия Игнатьевна, странным, что Кольцова взяла в Ленобласть жемчуг?

– С одной стороны, да, а с другой – она, по моим наблюдениям, принадлежит к тому типу женщин, что везде любят

покрасоваться и похвастаться своим богатством.

– Ну вот и докрасовалась! – чуть ли не со злорадством воскликнула Ярцева.

– Возможно, но не забывайте, что мы знаем, что жемчуга настоящие лишь с ее слов. Жаль, что здесь нет Лены, да и Мария, пожалуй бы, пригодилась.

Собеседница, естественно, поинтересовалась, о ком идет речь. Холмс охотно объяснила.

– Ну что ж, Аделаида Евгеньевна, – взглянула на стильную змейку часового браслета Сапфирова. – Думаю, что хватит. В ближайшее время нам надо наметить круг подозреваемых и пообщаться с каждым из них. Не мешало бы что-нибудь выудить и из милиции.

– Из милиции? – удивилась историк. – С чего бы это им с нами откровенничать, в конце концов, пока мы тут играем в детективов, милиция, возможно, найдет вора и пропажу, а может, хозяйка вдруг объявит, что ожерелье нашлось само. Кстати, хорошо бы выяснить, было ли оно застраховано?

– Поживем – увидим, не будем гадать на кофейной гуще. А насчет страховки, вы задались дельным вопросом. Ладно, с милицией я как-нибудь найду общий язык, а ваша задача – разговорить того симпатичного мужчину. Вы знаете, как его зовут?

– Нет, но узнаю у администратора. Это несложно.

– Ну, вот и отлично! – поднялась со скамейки Сапфирова. – Самое время подремать часик в номере и собраться с

мыслями.

– Ну, а я схожу на процедуры, – улыбнулась Ярцева. – В отличие от вас, Таисия Игнатьевна, я все-таки на лечении и вынуждена отчитываться перед врачом.

– Au revoir, коллега, – засмеялась Сапфирова и, заговорщицки подмигнув друг другу, курортницы-сыщицы разошлись, чтобы вскоре со свежими силами приступить к активному сбору информации.

Глава 8

Показания «свидетелей»

– Таисия прекрасно отдыхает в «Сестрорецком Курорте», – заверила Макушкина и Барина Ленка, накладывая им солидную порцию пюре с тушенкой. – Она там будет еще с недельку, а то и все дней десять. Приглашала приехать к ней в любой момент. Я вот, помнится, отдыхала в Дюнах»...

И пока сотрудники милиции уписывали за обе щеки, гостеприимная хозяйка минут пятнадцать ездила им по ушам всякой чепухой, которую они, конечно, вынуждены были слушать, а Баринов временами соглашаться с ней и, похоже уже, искренне!

– Ну и как прошел осмотр дома? – закончив наконец молоть чушь, вернулась к своим обязанностям главная местная сплетница, задав вопрос по делу.

– Да вроде ничего любопытного, Елена Поликарповна, – без выражения откликнулся следователь. – А скажите, – неожиданно спросил он, – Вы ничего такого не слыхали окладах в ваших местах?

– Кладах?! – растерялась Ленка. – Или вы сказали о вкладах?

Она была не уверена, что правильно расслышала существовавшее.

– О кладях, ну тех, что в земле зарыты, – подсказал сержант Баринов.

– Ну я, честно говоря... ничего такого, не приходит в голову, – растерялась Ленка. – А это важно? – она безуспешно пыталась придать голосу максимальную солидность.

– Конечно, я спрашиваю только о важных вещах, – с достоинством ответил Макушкин.

– Постараюсь выяснить все по данному вопросу в ближайшее время, – пообещала расстроившаяся от подобного своего невежества Образцова и, потупившись, прекрасно осознавая свой проступок перед возвышенным Ремеслом, негромко проговорила: – Извините.

– Ну, я на вас надеюсь, – после паузы, подбадривающе произнес Макушкин, слегка расчувствовавшийся после подобного апофеоза.

– Вы разрешите организовать тут у вас небольшой дополнительный штаб? – попросил Макушкин с удовольствием приговорив рюмку уже распробованной настойки.

– Буду очень рада, – тут же отреагировала Ленка.

– И еще одно, Елена Поликарповна, – следовательно постарался придать своему тону максимальную серьезность. – Мы с Федором не собираемся гостить у вас бесплатно. Никакие отказы не принимаются, – строго повысил он голос, заметив, что Образцова собралась махать руками. – Государство компенсирует все расходы.

На следующее утро, позавтракав ни шатко ни валко при-

готовленной манной кашей и бутербродами с колбасой, Макушкин тепло поблагодарил хозяйку и обратился к Баринovu:

– Ну что, Федор, начнем с этих Штеменко, это же их дочь обнаружила тело.

– Начать-то можно, – отнюдь не фигурально почесал в затылке Федя. – Но мы же не имеем права допрашивать ребенка. Сколько ей, кстати, лет?

– Шесть, – сверился с записями следователь. – Ну почему же, не имеем? В присутствии родителей мы можем задать ей вопросы. Всё, хватит болтать! Приглашай их сюда.

– А если их не окажется дома?

– Ну, тогда зови этих двух пьяниц, – немного подумав, решил Макушкин.

– Да я не знаю, где их искать.

– Так я же вам помогу, – искренне удивилась затруднению Образцова. – Уж Рулеткина и Дудкина найти, это мне запросто! Только Дудкина надо бы побыстрее, пока он не напился с утра.

– А что, если я вас попрошу сходить и попросить его пока не пить?

– Да, конечно, сбегая, Еремей Галактионович, о чем вы говорите?! Заодно и Рулеткина предупрежу, за ним ведь, знаете ли, тоже нужен глаз да глаз.

Следователь промолчал. Честно говоря, он этого не знал, да и не стремился узнать.

Первым к следователю доставили музыканта Дудкина. Ленка отловила его еще дома, где достопочтенный трубач уже начал потихоньку накачиваться, но еще не дошел до критической отметки. Не забыв напоминания следователя, Образцова проследила, чтобы он взял паспорт. Юрий Петрович побряхтел, потратил минут пять, всматриваясь в свою фотографию, качая головой, и наконец, тяжело вздохнул и положил документы себе в карман. В другой внутренний карман он поместил «малька» и не забыв запереть дом, сопровождаемый Образцовой, поплелся к следователю.

Симагина наблюдала за доставкой в бинокль, сначала улыбаясь, а потом уже просто принялась смеяться.

– Присаживайтесь, Юрий Петрович, – почему-то слегка хрипловатым голосом предложил Макушкин, записывая данные паспорта. – Вы предупреждаетесь об ответственности согласно закону Российской Федерации за дачу ложных показаний, – прочистив горло, уже более официальным тоном предупредил следователь.

Пытаясь вникнуть в смысл слов следователя, Дудкин сфокусировал взгляд на очках Макушкина, что музыканту удалось сделать далеко не сразу, но всё же удалось.

– Итак, расскажите об обстоятельствах обнаружения тела, – Макушкин совершенно не обращал внимания на реакцию свидетеля.

– Девочка закричала, и мы с Владиком прибежали. Там лежала эта женщина с ножом в горле.

– Вы кого-нибудь видели рядом, кроме девочки?

– Да кого же я мог видеть? – удивился Дудкин. – Мы с Владиком были заняты. Выпивали, – пояснил свидетель.

– Ну, а эту женщину вы знали при жизни?

– Конечно, знал, как же мне Олю Саврасову-то не знать?! – снова удивился свидетель.

– А в лесу вы в тот день видели Саврасову?

– Да несколько раз, она шла с какой-то пожилой знакомой.

– Вы с ней разговаривали?

– Со знакомой или с Олей?

– Ну хоть с кем-нибудь из них.

– Нет, хотя подождите, я махнул им рукой издали.

– И вам ответили?

– Да, Оля тоже помахала рукой.

– А с кем-нибудь она общалась в тот день, не видели?

– Да не припомню.

– Ну, если припомните, потом обязательно сообщите.

– Это, конечно, – пообещал Дудкин.

– А незнакомых людей вы в лесу в тот день не видели? – продолжил допрос следователь.

– Как же, видел, какая-то женщина средних лет бродила. Мне ее личность не знакома.

– Опишите ее, – попросил следователь.

– Среднего роста в темно-синем плаще, но похоже не старая, я лица ее вблизи не видел.

– Как думаете, кто мог убить Саврасову? – подумав, спро-

сил следователь.

– Да кто угодно, – безапелляционно откликнулся Дудкин и похлопал себя по карману с «мальком».

Он уже начал уставать от допроса.

– У нас в деревне уже который год убивают, – махнув рукой, добавил музыкант.

Ленка, на правах хозяйки сидевшая неподалеку, сразу поняла и оценила похлопывающий жест. Улыбнувшись, она приняла позу поудобнее, готовясь наблюдать, что будет дальше.

– Какой покойная была по характеру? – после паузы, придумал еще один вопрос следователь.

– Да толком не пила, – сразу дал ответ Дудкин, исчерпывающий, по его мнению.

Ленка зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос.

– Подпишите протокол, Юрий Петрович, – вздохнул Макушкин, понявший наконец бесполезность любых вопросов, не относящихся ко дню убийства.

– Не уезжайте никуда из Полянска, – предупредил он подписывающего протокол свидетеля.

– Да куда я уеду? – снова удивился Дудкин. – Скажете тоже, гражданин следователь!

С искренним удовольствием, попрощавшись с Макушкиным и Образцовой, свидетель удалился – ему предстояла встреча с «мальком» и он торопился, пока тот не слишком нагрелся в кармане.

– Однако, – пробормотал следователь, глядя вслед свидетелю и несколько раз непроизвольно дернул себя за бороду.

Пока Макушкин допрашивал пьяницу-музыканта, Баринов общался со Штеменко.

– Так ли уж обязательно беспокоить Свету? – уже во второй раз спросила Алевтина.

– Следователь имеет право задать вашей дочери вопросы в вашем присутствии, – пояснил Баринов.

– Вы можете нанести ребенку психологическую травму, – нахмурился Олег.

– Еремей Галактионович опытный профессионал, – продолжал стоять на своем Баринов. – Я даже не побоюсь назвать его педагогом. Уверяю вас, я испытал его педагогический талант на себе!

– Это очень заметно, – с явной иронией отреагировала Алевтина.

– Ну хорошо, – предложил компромисс, понявший иронию, но в интересах дела, скрывший обиду сержант. – Задайте сами вашей дочери вопросы, которые озвучит Еремей Галактионович, но непременно в его присутствии.

Алевтина задумалась, она, видимо, колебалась.

– Хорошо, – наконец принял решение отец. – Но пусть следователь придет сюда, лучше задать свете вопросы в домашней обстановке.

– Никуда не уходите, – вздохнул Баринов. – Я передам ваше предложение Еремею Галактионовичу.

— Беда с этими детьми, — выслушав лейтенанта, сказал Макушкин. — Ну, делать нечего, пойдёмте к этим Штеменко.

— А их вы будете допрашивать? — с живейшим интересом спросила Ленка.

— А вам это важно? — проявил наивность бесхитростный лейтенант.

— Конечно, — не стала вводить его в заблуждение сплетница. — Видите ли, я думаю, здесь Еремею Галактионовичу будет удобнее допрашивать свидетелей, — в последний момент она попыталась замаскировать свое любопытство ведущей кумушки.

Однако всё было слишком уж прозрачно и даже не отличавшийся проницательностью Макушкин понял истинные мотивы гостеприимства хозяйки.

— Я склоняюсь к тому, что вы правы, — важно-дипломатично заметил он. — А вы не могли бы предупредить этого Рулькина, что я хочу его допросить, когда закончу со Штеменко.

— Да, конечно, — искренне обрадовалась Ленка. — Я сейчас и схожу, делать-то мне всё равно нечего. Только не Рулькина, а Рулеткина.

— Слушайте, когда же она занимается огородом?! — спросил по пути к дому Штеменко у следователя сержант.

– Лучше думай о рабочих моментах и не ломай голову над посторонними проблемами, – строго посоветовал младшему коллеге опытный педагог.

– Не надо нам тут потусторонних проблем, – внезапно раздался рядом с ними укоризненно-веселый мужской голос.

– А, э-э-э... при чем тут потусторонние проблемы – пробормотал растерявшийся от неожиданности Макушкин и зачем-то непроизвольно поправил очки.

– А вы собственно, кто? – уже более решительным тоном выдал довольно странную формулировку, с точки зрения сержанта, следователь.

– А я Рулеткин, – не стал скрывать свою личность прохожий. – Местный житель, и более того – гражданин Российской Федерации.

За его веселостью уже всюю маячила развязность.

– Ах Рулеткин, тот самый Рулеткин? Вы-то мне и нужны! – обрадовался Макушкин.

– Зачем это?! – слегка оторопел гражданин Российской Федерации, делая шаг назад.

– Еремей Галактионович Макушкин, следователь прокуратуры, мне надо вас допросить.

– Это зачем еще?!

– По поводу обнаружения трупа в лесу.

– А-а, – успокоился Рулеткин и даже махнул рукой. – Я думал что-то серьезное.

– Убийство, по-вашему, это несерьезно? – глаза у Барино-

ва чуть не вылезли на лоб.

– Вот что, Федор, – успокоил подчиненного деловым тоном Макушкин. – Идите к Штеменко и скажите, что я скоро к ним приду, а пока воспользуюсь оказией и допрошу этого субъекта Российской Федерации, пока он окончательно не налился.

– Как скажете, Еремей Галактионович, – и Баринов направился к дому Штеменко.

– Пройдемте, как ваше имя-отчество?

– Владлен Тимофеевич. А куда идти-то?

– Здесь недалеко.

С Ленкой они столкнулись около ее дома.

– Ой, как здорово, – обрадовалась Образцова. – А я-то как раз пошла искать тебя, Владик, а ты уж – тут как тут.

– Зачем это ты меня собралась искать, Лена? – подозрительно поинтересовался пьяница номер два.

– Ответьте на несколько вопросов, – смешался Макушкин. – И не задерживайте ни себя, ни меня.

– Да-да, конечно, пойдемте в дом, – и Ленка поспешно засеменила к калитке.

– Кстати, с Юрой мы уже побеседовали, – сообщила она Рулеткину, открывая дверь.

При местоимении «мы» брови Макушкина взлетели вверх, как качели, но он предпочел промолчать.

– Присаживайтесь, Владлен Тимофеевич, – гостеприимно предложил следователь и стал подготавливать всё необходи-

мое для допроса.

– Вот спасибо, – поудобнее устроился на стуле Рулеткин и изъявил согласие в ответ на предложение хозяйки подкрепиться чашечкой чая с баранками.

– А что поведал вам Юрка? – спросил его приятель, пока следователь расписывал ручку.

– Давайте сначала вы ответите на мои вопросы, а потом уж я на ваши, – живо откликнулся следователь.

В течение пяти минут он задавал Рулеткину те же вопросы, что и Дудкину. Пьяница номер два дал следователю ту же информацию, что и его более продвинутый в пьянстве коллега, разница лишь в незначительных расхождениях, которые, впрочем, не несли никакой смысловой нагрузки. Чуть более обстоятельно Рулеткин ответил только на вопрос о характере убитой Саврасовой.

– Доброжелательная была женщина, – вздохнул свидетель, видимо, погрузившись в воспоминания. – Никакой ругани в свой адрес от нее не слышал, да и замечаний никаких она мне не делала, как эта дура Коробочка.

При этих словах он опасливо глянул по сторонам, проверяя, как подумала Ленка, на всякий случай, нет ли Коробочки поблизости и, с облегчением убедившись в отсутствии упомянутой особы, продолжил:

– И насчет пьянства ни мне, ни Юрке ни слова не выговаривала. Хорошая была женщина, – подвел он итог, – Ученая, в музее ведь работала.

Макушкин чин по чину оформил показания Рулеткина и уже совсем собрался дать протокол ему на подпись, но на всякий случай спросил:

– Больше ничего такого интересного, любопытного, связанного с убитой не приходит в голову, Владлен Тимофеевич?

– Да пожалуй, нет, Еремей Галактионович, – блеснул тем, что запомнил имя-отчество следователя Рулеткин. – Разве что, только...

– Да?...

– Ну вот за день до убийства она со своей культурной знакомой, ну той, что была с ней в лесу в день ее гибели, постарше, они кажется вместе работали, прогуливалась по реке, а я ловил рыбу в камышах, не знаю, видели ли они меня, но не в этом дело...

– А тогда в чем же? – с мягким любопытством, как опытный рыбак, Макушкин стал аккуратно вытягивать свою добычу на поверхность.

– Ну, они обсуждали какой-то клад и говорили что-то про необходимость достать недостающие куски какой-то карты.

Глава 9

Кладоискатель и пресса

Николай Валерьевич завтракал. Вскипятив воду для чая на разведенном около палатки костре и сварив пару яиц, Дымин дополнил трапезу сыром и консервированной скумбрией. Насытившись хлебом насущным, кладоискатель обратился к дарам и красотам природы. Часов в девять утра, взяв корзинку и пакет, Николай Валерьевич отправился по грибы-ягоды, с мечтательным удовольствием наслаждаясь окружающим пейзажем и слушая утреннее пение птиц и звон цикад, которых многие отождествляют с кузнечиками, что на самом деле не верно.

Стройные изгибы реки Крутой, причудливые рельефы околополянских холмов, густые ельники, изящные березняки, пышнолиственные папоротники так и просились, с точки зрения не чуждой романтики душе Дымина, на полотна Левитана, Венецианова, Шишкина, а возможно, и зарубежных корифеев пейзажной живописи.

Собрав небольшую, но вполне достаточную для пополнения съестных припасов коллекцию лесных даров, ценитель природы через час с небольшим возвратился к своей палатке с ощущением абсолютной гармонии и умиротворенности. Продержаться в этом нирванном состоянии ему удалось

минут десять, после чего несносные мысли вернули его на грешную землю к безжалостной равнодушной действительности. Прежде, чем продолжить наше повествование, обратим внимание читателя на то, что помимо красот природы и даров леса Николай Валерьевич любил также деньги и, надо сказать, – отнюдь не платонически! Отправляясь на поиски карты и, соответственно, клада, он рассчитывал добиться успеха мирными средствами, например, путем переговоров. Однако, теперь ситуация осложнилась, и надо было думать, как и что говорить, если придется, конечно, помимо его воли, общаться с милицией, расследующей убийство.

* * *

Алла Дмитриевна Васильева, журналистка из Санкт-Петербурга, не рискнула, следуя примеру Дымина, жить на природе в походных условиях. Воспользовавшись подсказкой своей знакомой, она сняла полдома в Утёсово и приезжала в окрестности Полянска на машине по мере надобности. Чтобы не попасться на глаза и на зубы местным сплетницам и сплетникам, чьи способности и возможности Алла Дмитриевна оценивала по справедливости, то есть довольно высоко, она приезжала в полянские окрестности в объезд мимо деревни Кульково. В отличие от Дымина, ее не очень возбуждали местные красоты. Прежде всего, она блюла свою выгоду и озабочена была интересами своего работодателя – газеты

«Смена», в штате которого она имела честь состоять.

Больше всего в сложившейся ситуации Аллу Дмитриевну беспокоил тот факт, что ее наверняка видели в лесу, а значит могли сообщить об этом в милицию. Конечно, знать ее в лицо вряд ли кто-то мог, свою популярность, точнее, ее отсутствие, представительница четвертой власти оценивала адекватно. Правда, в этот момент она вовсе не расстраивалась, что ее не узнавали.

– Да, – пробормотала Васильева, глядя в окно на невзрачное здание утёсовского продовольственного магазина. – Надо бы поговорить с Кирой. Да-да, Кира сейчас именно та, кто мне нужна.

Найдя в записной книжке телефон, она отправилась на почту – звонить Авдеевой в «Лужский листок», одновременно приняв решение поехать в Лугу, даже если не удастся дозво-
ниться.

Глава 10

Показания «свидетелей»

(продолжение)

Совершенно не ожидавший настолько важной информации от уже практически потерявшего в его глазах ценность свидетеля, Макушкин непроизвольно слегка приоткрыл рот. Во все глаза наблюдавшей за следователем Ленке пришло в голову, что туда вполне могла залететь муха, либо, в крайнем случае, комар. Рулеткин же, как казалось, не понял, что сообщил что-то важное.

– Владлен Тимофеевич, – закрыв рот, с уважением обратился к свидетелю следователь. – А что-нибудь еще, связанное с этой картой, они сказали?

Рулеткин охотно принялся копать в памяти:

– Да вот, пожалуй, припоминаю фразу – «Даже, если мы найдем четвертый кусок...» Ну и всё, потом они ушли, а остался рыбачить.

– А кто их них сказал про четвертый кусок?

– Кажется та, что постарше, – стал вспоминать Рулеткин. – Да, пожалуй, она.

– А что говорила Саврасова?

– Да она больше как-то неопределенно поддакивала.

– Огромное вам спасибо, Владлен Тимофеевич, – с чув-

ством пожимая свидетелю руку и с почтением, на взгляд хозяйки, передавая Рулеткину ручку для подписи протокола, проговорил Макушкин.

– Очень приятно было пообщаться, Еремей Галактионович, – свидетель тоже был сама любезность.

– Да, кстати, – попросил Макушкин, когда оба они уже были на ногах. – Вы, пожалуйста, не распространяйтесь по поводу карты.

– Ну, конечно, – изобразил полное понимание вопроса Рулеткин и, обменявшись молниеносным, не нуждающимся в пояснении взглядом с Ленкой, пьяница номер два ушел.

Тут даже Макушкин все осознал и, вяло проводив взглядом свидетеля, с остатками надежды взглянул на Образцову. Пару секунд он еще подбирал какие-то слова, аргументы, но внимательно изучив честное бесхитростное выражение лица хозяйки штаба расследования, смирился с безнадежностью ситуации.

– Вы к Штеменко? – со здоровым любопытством бодро поинтересовалась Ленка.

Макушкин нашел в себе силы только кивнуть и лишенной упругости походкой оставил главную местную сплетницу с предвкушением скорой работы.

Штеменко встретил Баринова с безразличием, как тому показалось, деланным. Не желая стеснять хозяев, сержант в ожидании следователя отправился околачиваться на улицу.

Перед разговором со Светой Макушкин постарался при-

дать своему лицу как можно более приятное выражение. Он прочистил горло, поправил очки и пригладил бороду.

– Света, скажи, пожалуйста, – тоном, в котором, по мнению его обладателя, уровень ласковости буквально зашкаливал. – Почему ты решила подойти к лежавшей в лесу тетеньке поближе? – поинтересовался следователь.

– Не знаю, наверное, стало любопытно, – ответила Света.

– А рядом с тетенькой ты кого-нибудь видела?

– Рядом нет, – девочка бросила взгляд на мать и когда та ей одобрительно кивнула, Света более уверенно повторила: – Нет.

– А кого-нибудь ты еще видела в тот день в лесу рядом с местом, где лежала тетенька? – продолжал задавать вопросы Еремей Галактионович.

– Там проходила еще одна тетя, а потом прибежали два дяди, ну и папа с мамой.

– Про этих двоих я вам сама расскажу, – вмешалась Алевтина.

– Хорошо, хорошо, – Макушкин был сама покладистость. – А ту тетю, которая проходила, ты можешь описать, Света?

– Ну, она была высокая, – задумалась девочка. – Выше мамы.

– А во что она была одета?

– В плащ.

– А какого цвета?

– Темно-синего.

– Большое тебе спасибо, ты молодец. А сколько примерно было ей лет?

– Да старенькая, старше мамы.

Макушкин глазами попросил помощи у Алевтины, но в этот раз в помощи ему было отказано.

– А ту тетеньку, что лежала, ты видела до этого в лесу?

– Я точно не помню, – подумав, ответила Света. – Там тогда много было всяких тетенок, дяденок.

Олег слегка пошевелился на стуле, надеясь таким образом намекнуть следователю, что пора перестать утомлять ребенка.

– Ну а скажи, Света, – Макушкин слегка кивнул, давая понять отцу, что понял его. – Тебе ничего не запомнилось в тот день необычного? Или вообще, что-нибудь осталось в памяти?

– Черники было много, – подумав, ответил ребенок. – У нее такой яркий цвет оранжевый, а может быть красный, там рядом с той тетей, что лежала в лесу.

Тепло поблагодарив девочку, которая ушла с матерью поиграть во дворе, Макушкин приступил к допросу Олега, предупредив свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний.

– Скажите, Олег Васильевич, когда вы в первый раз увидели покойную Саврасову?

– Да встретил здесь, наверное за день-другой до похода в

лес в субботу.

– А когда вы приехали в Полянск?

– Мы приехали во вторник, неделю назад.

– Понятно. В день убийства вы видели убитую?

– Да, но не разговаривал с ней. Я видел ее в лесу с ее пожилой подругой.

– Скажите, Олег Васильевич, вам приходит в голову хоть что-нибудь, что может помочь следствию? Может быть, вы обратили внимание на что-то странное или подозрительное. Постарайтесь вспомнить, – Макушкин оторвался от записи показаний и принялся вдумчиво ввинчиваться свидетелю прямо в глаза.

– Так сразу, знаете, не приходит в голову, Еремей Галактионович, – отвел взгляд в сторону Штеменко.

– Ну, если что-нибудь вспомните, обязательно приходите ко мне, – попросил Макушкин.

– Конечно, конечно, – пообещал предприниматель.

– А вы когда собираетесь уезжать из Полянска? – как бы невзначай спросил следователь.

– Да побудем еще пока, ведь недавно приехали.

– Ну и прекрасно! – обрадовался Макушкин и чуть было не принялся потирать руки, но вовремя спохватился. – Подпишите, пожалуйста, протокол, Олег Васильевич, – попросил следователь свидетеля.

Пришедшая на смену мужу Алевтина изложила в точности то же, что и Олег.

«Как будто слышала его ответы», — подумал Макушкин, подавая женщине протокол на подпись. — «А впрочем, почему бы и нет», — пришло ему в голову. — «Вон, окно открыто, а говорил-то муж не тихо, даже совсем громко. Эх, не сообщил я, надо было вызвать их по отдельности в штаб, а теперь-то уж чего, поезд ушел! Разве что на будущее урок,» — попенял себе Макушкин.

Подведя разумный итог своим невеселым мыслям, следователь попрощался с хозяйкой и отправился на улицу искать сержанта Барина. Ему понадобилось не больше минуты, чтобы обнаружить шатавшегося без дела по деревенской дороге коллегу, за которым, честно говоря, Симагина уже устала наблюдать в полевой бинокль. Когда же в окулярах забрезжила бородатая физиономия следователя, ответственная Мария Николаевна все же не выдержала и прекратила бессмысленное занятие, решив для разнообразия сделать что-нибудь по дому.

— Ну что, Федор, надумал что-нибудь важное, интересное? — хлопнул лейтенанта по плечу следователь.

Федор вздрогнул от неожиданности, и как показалось Макушкину, захлопал глазами. Потом слегка расслабившись, Барин натужно рассмеялся.

— Это пусть прокурор думает, — внес он рацпредложение. — Он у нас башковитый.

— Он так подумает, Федя, что нам это боком выйдет, — внес ясность Макушкин. — Ладно, потопали в штаб, посоветуемся

с Поликарповной, кого нам еще допросить.

Штеменко в это время резюмировали визит следователя.

– Провинциальный болван! – потирая руки, с удовольствием проговорил муж. – Бьюсь об заклад, Аля, о кладе и карте он и представления не имеет.

– А вот и проиграл ты свой заклад, Олег, – спустила его небес на землю жена. – Я тут успела погреть уши и не зря: один пьяница другому рассказывал, что следователь-то о кладе его расспрашивал.

– Почему же он нас не спросил? – нахмурился Олег. – Неужели какую-то хитрость задумал. Непонятно, вроде он дурак дураком.

– Ну хочешь, сам спроси почему он нас не спросил, – пошутила Аля. – Только это еще не все. Второй пьяница ему ответил, что они со следователем о карте судачили.

– Вот черт! – с досадой отреагировал Олег. – Да это уже плохо. Главное, чтобы они сюда не прислали кого поумнее. Будем молиться, чтоб этот натуральный болван подольше тут свои дурацкие вопросы всем задавал. Это же надо, даже не спросил нас: всё ли время мы были вместе!

– А что, было бы лучше, если бы спросил? – сухо поинтересовалась Аля.

– Да нет же, я о том и говорю. И кстати, милая, я как-то и сам уже не соображу – мы всё время не отходили друг от друга?

– Я лично и соображать не собираюсь! – отрезала супру-

га. – Для органов наш ответ очевиден: всё время видели друг друга. Или ты хочешь ответить им что-то другое?!

– Конечно, нет, не говори глупостей! – сердито повысил голос Олег. – Ладно, хватит, пошли посмотрим, чем занимается Светка.

* * *

Главная местная сплетница с нетерпением ожидала своих постояльцев.

– Допросите, например, Синицких, – предложила она.

Троица с аппетитом закусывала бутербродами с колбасой и сыром и запивала их квасом.

– Только надо их пригласить по одному, – уверенно сказал сделавший выводы из предыдущего допроса Макушкин.

– Так я сейчас Артамона и зазову, – вскочила Ленка, без сантиментов оставив полбутерброда на тарелке.

Призванный для исполнения гражданского долга Синицкий был доставлен Образцовой минут через двадцать.

– Ну вот, Артамон, – указывая на следователя и сержанта, торжественно провозгласила Ленка. – Перед тобой высокодоблестные стражи нашего правопорядка.

У Макушкина очки на лоб полезли от подобного многоэтажного определения, а Федор, как позднее задыхаясь от переполнявшей ее информации рассказывала Ленка, смолчал, сдавленно крикнув.

– Ну, ты, Елена, даешь! – прогудел Синицкий.

Голос у него всегда был громкий, добродушный, да и сам Артемон за последнее время раздался вширь и вкупе с высоким ростом приобрел весьма внушительные размеры.

– Очень рад познакомиться, – пророкотал современный Собакевич. – Буду рад ответить на все ваши вопросы и помочь следствию.

– Распишитесь для начала об ответственности за дачу ложных показаний, – сухо вато предложил свидетелю следователь.

Обжегшись на молоке, теперь он уже дул и на воду.

– Я так понимаю, вы уже давно живете в деревне? – начал издалека следователь.

– Постоянно. Три года, как вышел на пенсию, а до того так, наездами.

– А вы хорошо знали покойную Саврасову?

– Ольгу-то? Конечно, девчонкой ее еще помню.

– А что у нее за характер был?

– Да обычный, спокойный. Хороший характер был, Еремей Галактионович, жаль ее.

– Это безусловно. Как думаете, кто-нибудь мог желать ей зла?

– Да с чего бы? Нет, не представляю себе такого, – решительно заявил Синицкий.

– А вы с ней общались в день ее гибели?

– Нет, только видел издалека. Она пошла в лес со своей

начальницей по фамилии Гляссер.

«Надо побыстрее добраться до этой Гляссер», – подумал Макушкин, вслух же спросил:

– Ничего подозрительного не заметили в день ее гибели?

– Да нет, ничего не приходит в голову.

– Ну, если придет, скажите мне.

– Обязательно, Еремей Галактионович.

– А вот скажите, вы что-нибудь слышали о зарытых в здешних местах кладах?

– Нет, я ничего не слыхал. А вы у супруги моей, Елизаветы Григорьевны, спросите. Она в библиотеке работала и историей наших краев интересуется. Вот она может знать.

– Это было бы замечательно. Вы пригласите ее, пожалуйста, ко мне прийти.

– Да сейчас и отправлю, – сердечно пообещал Синицкий.

Подписав протокол и крепко пожав руки сотрудникам милиции, бодро, похлопав по плечу Ленку, отчего та слегка покачнулась, инженер на пенсии отправился передать супруге приглашение от следователя.

Елизавета Григорьевна, среднего роста, средних размеров со слегка тронутыми сединой темными волосами, выглядела на свой возраст, то есть лет на шестьдесят.

Зайдя в дом, она доброжелательно улыбнулась всем присутствующим, поздоровалась с Ленкой без особого восторга, хотя и любезно.

– Ну что же, товарищи, или вас теперь принято называть

господа? – с легкой иронией обратилась она к следователю и сержанту. – Муж сообщил мне, что вас интересует – зарыты ли клады в наших окрестностях? Информация эта, конечно, не для общего пользования.

Расположившись без приглашения покомфортнее на самом удобном стуле, она кинула лукавый взгляд на хозяйку дома.

– Но раз это нужно для дела, я скажу: я встречала сведения, что у нас в Полянском лесу зарыт клад.

Глава 11

Светская дама тет а тет со своими мыслями

Екатерина Антоновна курила. Делала она это нечасто, но со вкусом и удовольствием. Удобно расположившись в мягком кресле, она мелкими глотками неторопливо пила белое вино. Выйдя на пенсию, Екатерина Антоновна уехала из Луги, где она жила во время своего директорства музеем. Теперь она прочно обосновалась в квартире своего бывшего мужа, которая досталась ей при разводе и разделе совместно нажитого имущества. Используя кое-какие знакомства по своим каналам, Екатерина Антоновна была в полном курсе кому было поручено расследование убийства ее бывшей коллеги – Оли Саврасовой. Также Гляссер была осведомлена и о личных и о деловых качествах следователя Макушкина, чей служебный и человеческий портрет ей сообщили в подробностях.

Екатерина Антоновна пока не решила – выгодна ли ей некоторая недалекость и весьма сомнительная пригодность Макушкина для расследования убийств вообще и этого убийства в частности. Будучи сама профессионалом, Екатерина Антоновна предвзято относилась к людям, чья квалификация вызывала серьезные сомнения. Однако непрофес-

сионализм вызывал у нее чисто эстетическую неприязнь, а будучи человеком прагматичным, она в первую очередь привыкла оценивать для себя людей с практической точки зрения. Так вот, что касается этой точки зрения, то Екатерина Антоновна пока не определилась, выгодна ли ей гипотеза, к которой она пришла, проверив подробную информацию о следователе. Суть этой гипотезы заключалась в том, Еремей Галактионович не сможет самостоятельно раскрыть убийство Саврасовой, разве что случится чудо, а в чудеса и явления того же порядка Гляссер, безусловно, не верила.

Продолжая уверенно плыть по течению своих мыслей, Гляссер сделала очередной глоток вина, неторопливо смакуя вкус. Продолжая пребывать в задумчивости, Екатерина Антоновна открыла ящик письменного стола и достала кусок старой карты, точнее, копию этого куска.

– Да, жаль Ольгу, – с сожалением проговорила Гляссер, рассматривая карту. – Но кто же знал, что клад такое опасное дело и так для нее закончится.

Несколько минут еще внимательно поизучав карту, Гляссер отложила ценную копию и допила вино. Экс-директор одолевала сомнения, какой следующий шаг предпринять. Наконец, собравшись с мыслями, она сделала два звонка: один из ее абонентов был связан с журналистикой, а другой – с милицией.

Глава 12

Показания «свидетелей» (продолжение)

– Хочешь кофе, Лиза? – посчитала нужным влезть в ситуацию Образцова.

– Спасибо, Лена, я уже пила, но чтобы тебя не обидеть, соглашусь еще на чашечку, – улыбнулась гостья-свидетельница.

Ленка ответила адекватной улыбкой и принялась хлопотать, собирая на стол. Следователь и лейтенант вежливо отказались от угощения, себе же хозяйка сосватала квасу.

– Так вот, что касается клада, – деловым тоном начала Синицкая, когда с кофе было покончено и она расписалась об ответственности за дачу ложных показаний:

– Есть несколько легенд, повествующих о зарытых в наших местах кладах. Вот например, у нас в библиотеке хранится рукописный источник, сообщающий о зарытом километров в двадцати отсюда еще в пятнадцатом веке скрытом кладе некоего Василия Косого. Я бы не стала доверять этому источнику, – предваряя вопрос, высказала свое мнение Елизавета Григорьевна. – Но впрочем, кто его знает.

И она хитро подмигнула Ленке.

Та растерянно несколько раз моргнула и честно попытала-

лась подумать секунд десять, но потом, мысленно махнув рукой, смирилась. Она была готова четко исполнить свою часть дела – просто распространить по деревне информацию.

– Очень интересно, продолжайте, пожалуйста, – попросил Макушкин, записав в блокнот информацию библиотекаря на пенсии.

– Поговаривают еще о кладе князя Голицына, – выдала новую порцию фактов Синицкая.

– Это какого такого Голицына? – вырвалось у Барина.

– Подожди, Федя, – поморщился Макушкин. – Дай человеку рассказать.

– Что вы, Еремей Галактионович, вопрос же по существу, – рассмеялась Синицкая. – Кто говорит – начало шестнадцатого века, а я слышала датировку – конец пятнадцатого. А что касается имени, кто говорит Дмитрий, а кто – Федор, да и про Михаила я слышала.

– Так это устная история, Елизавета Григорьевна?

– Безусловно, Еремей Галактионович, письменные источники мне неизвестны.

– А стоит всему этому доверять?

– Это уж решайте сами, – вновь рассмеялась Синицкая. – Я бы лично не стала.

– А более заслуживающая доверия история о кладе имеется, не знаете?

– Почему же, одну знаю, – посерьезнела Синицкая. – Есть письмо купца Берестова к сыну. Он пишет, что зарыл золото

и золотые монеты верстах в трех от реки Луги рядом с деревней Грязево.

– А где сейчас это Грязево?

– Сравнили с землей. А если смотреть относительно Полянска, то километра четыре от него.

– Так вы считаете реальность этого клада более достоверной?

– Скажем так, у него наиболее солидная репутация. Я, честно говоря, не озадачивалась этим вопросом.

– Как же так получилось, что я про это ничего не слышала? – не выдержала Ленка.

– Да что ты говоришь?! – деланно изумилась Синицкая. – Ты, да не слышала?! Невозможно поверить!

У Образцовой от стыда возникло жгучее желание покинуть комнату, но долг пересилил. Ей предстояло впитывать дальнейшую информацию.

– Скажите, а существует какая-нибудь карта, как бы это сказать, информирующая о местоположении клада этого купца, э-э-э... Берестова, – сверился следователь со своим блокнотом.

– Мне о такой карте ничего не известно, Еремей Галактионович, – тоном, показавшимся Баринovu игривым, ответила библиотечка на пенсии.

Словно из воздуха у нее в руках материализовалось зеркальце, и она стала с его помощью поправлять прическу.

– А как вы думаете, покойной Саврасовой было что-ни-

будь известно о предполагаемых кладах в окрестностях Полянска? – Макушкин не знал с какой стороны подобраться к интересующей его информации.

– Мы с ней никогда не обсуждали эту тему, – не отрываясь от зеркала, сообщила свидетельница.

Макушкин уставился в пустой протокол, он затруднялся что из всего сказанного Савицкой отразить в официальном документе в качестве показаний. В конце концов он смог внести следующее: «Свидетельница видела убитую в день убийства в лесу, но не разговаривала с ней. Характеризовала она убитую положительно, предположений относительно личности или мотивов убийства у нее не было».

– До свидания, Еремей Галактионович, до свидания, Федор, и тебе не хворать, Лена, – тепло попрощалась Синицкая. – Пригласить к вам Инну или Николая? – спросила она у следователя.

– А они были в лесу? И кто они такие? – тут же отреагировал Макушкин.

– Были-были! – вмешалась Ленка. – Это Лиза о двоюродном брате мужа и его жене говорит.

– Да, конечно, пригласите. Мне необходимо с ними побеседовать, – приосанился следователь. – Елизавета Григорьевна, вы очень обяжете, если позовете их, по одному, пожалуйста в произвольном порядке.

– Как только увижу кого-нибудь из них сразу к вам направлю. Еще раз до свидания, очень приятно было познако-

миться! Если понадобится консультация по каким-то книгам, обращайтесь!

– Вот спасибо, я читать очень люблю, – обрадовался Баринов.

Макушкин толкнул его локтем в бок и, вымученно улыбаясь, проводил взглядом Елизавету Григорьевну.

Инна Андреевна Цельская появилась в штабе минут через десять-пятнадцать. За это время Ленка успела выложить сотрудникам милиции все, что знала о Цельском и его жене. На самом-то деле знала она немного: только то, что он – работник торгового флота, а она – парикмахер, описала зачем-то как они выглядят, а после сообщила, что оба язвы еще те!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.